

С К А З К А

О ТРЕХЪ ДОЧЕРЯХЪ

ВОЛШЕБНИКА.

CYR

Diedushka govorn

**ДѢДУШКА
Г О В О Р У Н Ъ**

И Л И

**Собрание новѣйшихъ и еще
доселѣ неизвѣстныхъ**

СКАЗОКЪ.

Россійское сочиненіе.

МОСКВА.

**Въ Типографіи Императорскаго Мо-
сковскаго Театра, 1824 года.**

У Содержателя А. Похорскаго.

PG 3115

D5

1824

Печаташь позволяешся

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи сей книги до выпуска въ публику предспа- влены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Коми- тета, другой для Департамента Народ- наго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіо- теки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Марша 17 дня, книгу сію разсматривалъ Адъ- Юнкшъ, Коллежскій Совѣшникъ и Ка- валеръ

Дмитрій Тростинъ.

С К А З К А

О ТРЕХЪ ДОЧЕРЯХЪ ВОЛШЕБНИКА.

Въ древнѣйшія времена, въ Столичномъ Персидскомъ городѣ, жилъ одинъ преспарълый и добродѣтельный Волшебникъ; онъ имѣлъ трехъ дочерей совершенныхъ красавицъ. Старшая изъ нихъ называлась Заидою, средняя Фашимою, а меньшая Аминою. Волшебникъ послѣ долголѣтней и спокойной жизни, чувствуя приближеніе смерти, призываетъ къ себѣ своихъ дочерей и говоритъ имъ слѣдующее:

„Любезные дѣти! я долженъ
„съ вами распаться на вѣки;

„смерть приближается ко мнѣ
 „скорыми шагами; чувствую, что
 „не много времени буду существо-
 „вать на земли. Такъ, любезныя!
 „скоро, скоро я васъ оставлю и
 „сниду во гробъ. Ни моя сила,
 „ни искусство, ни знанія не могли
 „отвратить отъ меня общаго
 „всѣмъ смертнымъ удѣла. Сколь
 „для меня горестно, сколь мучи-
 „тельно, что я не успѣлъ еще ус-
 „проить вашего счастья. Сердце
 „мое перзаеется, видя васъ совер-
 „шенно безъ опоры. Ахъ! ваши
 „молодыя лѣта, неопытность, не-
 „знаніе людей и свѣта, могутъ
 „повергнуть васъ въ бездну золь
 „и несчастій. Сколько соблазновъ,
 „искушеній, обмановъ и хитро-
 „стей будутъ представляться
 „на каждомъ шагу вашемъ!....
 „Когда опытные старцы и слав-

„ные мудрецы не избѣгаютъ хищ-
„рыхъ съшей и козней въ семь
„мѣрѣ, то что могу сказать объ
„васъ?.... Впрочемъ, я испо-
„щилъ все свое искусство для буду-
„щаго вашего счастья и приго-
„товилъ каждой изъ васъ по
„подарку. Вотъ тебѣ, любезная
„Заида, продолжалъ Волшебникъ
„подавая ей золотой шарикъ и
„бриллиантовой перстень, на ко-
„торомъ были вырѣзаны неизвѣ-
„стные слова: имѣя сей перстень,
„ты будешь владычествовать
„надъ всѣми невидимыми духами,
„обитающими въ воздухъ и надъ
„всѣми пещерами. Когда надѣнешь
„его на большой указательной
„палецъ правой руки, то вдругъ
„явятся предъ тобой духи, и съ
„покорностію будутъ ожидать
„твоихъ повелѣній; положи его въ

„рошъ, увидишь предъ собою безчи-
 „сленное множество пшицъ всѣхъ
 „родовъ, и можешь имъ прика-
 „зывать, что тебѣ угодно; за-
 „жавши его въ правую руку, ты
 „въ одно мгновеніе ока сдѣлаешься
 „невидимою; положивши же подъ
 „языкъ, можешь превращаться во
 „всякую пшицу. Что касается до
 „золотаго шарика, то онъ нуженъ
 „тебѣ будешь тогда, когда вздума-
 „ешь выдти замужъ. Возьми сей
 „шарикъ, брось его предъ собою и
 „слѣдуй за нимъ куда бы онъ ни
 „покашлся; близъ котораго чело-
 „вѣка онъ остановится, то ты
 „и долженъ быть своимъ супру-
 „гомъ. Я твердо знаю, что ты
 „будешь весьма счастлива, если
 „со согласишься на мой совѣтъ и на
 „выборъ сего волшебнаго тали-
 „смана.“ -- Заидя, упавши на колѣни

предъ отцемъ своимъ , приняла
отъ него шарикъ и персень, и
осыпала, въ знакъ благодарности,
поцѣлуями руки его.

„Вотъ и шебъ подарокъ, лю-
безная Фашима, началъ говорить
„Волшебникъ , подавая ей сереб-
„ренный шарикъ , небольшую иглу
„и яхонтовой персень съ неиз-
„вѣстными словами. — Сему пер-
„сню покорены духи , обита-
„ющіе на земли, и всѣ вообще
„звѣри ; въ случаѣ надобности
„употребляй его такимъ же об-
„разомъ, какъ я научилъ Заиду. Съ
„шарикомъ же и иглою поступи
„такъ : когда пожелаешь вступ-
„ить въ супружество , то оп-
„дай шарикъ и иглу большой
„сестрѣ своей , которая должна
„бросить его предъ собой, и какъ
„скоро оный покашится, вы обѣ

„слѣдуйте за нимъ; онъ оспа-
 „новился близъ одного большаго
 „дерева, на которомъ нашедши
 „срубленный сучекъ, кольните
 „въ него иглою; — тогда увидѣте,
 „что отъ сего произойдетъ.“ —
 Фашима, подобно сестрѣ своей,
 принявъ подарки отъ отца своего,
 упала на колѣни и съ жаромъ цѣ-
 ловала руки его.

Наконецъ онъ оборотился къ
 Аминѣ, и подавая ей мѣдной ша-
 рикъ, иглу и изумрудный пер-
 спень съ символическими словами,
 сказалъ: „Прими отъ меня, милая
 „Амина, сіи подарки; духи, жи-
 „вущіе въ водахъ, всѣ рыбы, зем-
 „новодные звѣри, различныя мор-
 „скія чуды и гады подчинены
 „власти и могуществу сего изум-
 „руднаго персня; въ случаѣ
 „нужды поступай съ нимъ также,

„какъ будущъ поступашъ съ сво-
 „ими перспнями Заида и Фа-
 „шима. Чшо же касается до ша-
 „рика, шо онъ нуженъ тебѣ бу-
 „дешъ въ шакомъ же случаѣ, какъ
 „и сестрамъ швоимъ: онъ, будучи
 „брошенъ на землю, покашишся;
 „ты съ Заидою слѣдуй за нимъ;
 „онъ, приведши васъ къ морскому
 „берегу, ошпановишся близъ не-
 „большаго дикаго камня, въ ко-
 „шорой вы должны кольнушъ
 „иглою, тогда увидѣше, чшо ошъ
 „сего будешъ.“

По окончаніи сихъ словъ,
 Волшебникъ примѣшно началъ
 ослабѣвашъ; глаза его помуши-
 лись, лице покрылось смершною
 блѣдноштію; шяжкіе вздохи изле-
 шали. изъ груди его. Дочери, видя
 ошца своего въ шакомъ положе-
 ніи, залились горькими слезами.—

„Не плачте, мои любезныя! ска-
 залъ имъ Волшебникъ слабымъ уми-
 рающимъ голосомъ: — вы знаете,
 что я не безсмертенъ; знаете,
 что я долженъ умереть; я до-
 вольно.....“ Туть голосъ его
 пресѣкъся; онъ силился говорить,
 но языкъ отказалъ ему въ сей
 услугѣ. Черезъ нѣсколько минутъ
 взоръ Волшебника просвѣтился,
 приятная улыбка явилась на
 устахъ его, щеки покрылись
 юношескимъ румянцемъ, два вздоха
 вылетѣли изъ груди его, и—доб-
 родѣтельнаго старца не спало!

Три сестры, увидя, что отецъ
 ихъ болѣе не существовалъ на
 свѣтѣ, испустили пронзитель-
 ные крики; вопли ихъ горести и
 отчаянія разпространились по
 всему дому; они бросились на без-
 душное тѣло Волшебника и осы-

нали его поцѣлуями; изъ преле-
стныхъ глазъ ихъ струились
изобильные испочки слезъ; въ
сильномъ изснупленіи рвали на
себѣ прекрасные волосы. До слѣ-
дующаго утра пробыли онѣ въ
такомъ положеніи; наконецъ нѣ-
сколько пришедши въ себя и успо-
коившись, начали дѣлать приго-
товленія къ погребенію любез-
нѣйшаго родителя. Съ великою
пышностію отдавши послѣдній
долгъ его праху, всѣ три сестры
спали жишь вмѣстѣ.

Спустия годъ послѣ смерти
Волшебника, Зайда, наскучивши
одиночествомъ, рѣшилась выдти
замужъ. Взявши золотой ша-
рикъ, бросила его на землю; онъ
въ одну минушу покапился, а
Зайда, зажавши перстень въ пра-
вую руку и сдѣлавшись невидимою,

слѣдовала за нимъ. Шарикъ, кашившись по городу, остановился близъ одного великолѣпнаго дома, изъ котораго выходилъ въ поже время прекрасный молодой человекъ. Заида, увидѣвши прелеснаго юношу, въ одну минушу плѣнилась онымъ, и по средствомъ своего перстня обратившись въ канарейку, сѣла на плечо его. Молодой человекъ изумился и глядѣлъ на прекрасную ппичку съ величайшимъ удовольствіемъ; онъ съ осторожноспію снялъ ее съ плеча, и взявши въ руки, воропился на задъ въ домъ. — „Бапюшка! сказалъ онъ, вошедши въ великолѣпную комнашу, почтенному старцу, сидящему на богатомъ диванѣ, — посмотрише, какая прелесная ппичка!“ — „Гдѣ ты взялъ ее, любезный сынъ? оп-

вѣчалъ ему спарецъ.“ — „Она сама сѣла мнѣ на плечо; я, взявши ее, принесъ сюда.“ — Канарейка, вырвавшись изъ рукъ его, начала лешать по комнатѣ, и сѣвши на правое колѣно спарика, препенала своими маленькими крылышками, какъ бы означая свою радость. Спарикъ смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ, и подспавилъ свою руку, на которую она въ одну минушу перелешѣла, не переспавая махать крылышками. „Какъ она ручна и смѣла, сказалъ спарикъ своему сыну ты долженъ подарить ее своей будущей невѣстѣ!“ — При сихъ словахъ канарейка переспала оказываешь свои ласки и ущипнувъ спарикову руку, слешѣла съ оной и сѣла на окошко.-- „Вотъ тебѣ разъ! за что ешо ущипнула меня сія маленькая плу-

повка?“ — „Она вѣрно чувствуетъ, любезный родитель, что я не хочу жениться на той невѣстѣ, ко- шорую вы мнѣ представляете. — „Ты опять за старыя бредни, опвѣчалъ ему отецъ съ гнѣвнымъ видомъ. Знаешь ли, что я етого не люблю? Какъ! опвергнушь племянницу нашего Государя? ли- шись такой чести? и опъ чего? опъ того, что ты влюбился во снѣ въ такую дѣвушку, кошо- рой, можешь быть, нѣтъ и на свѣшѣ. Глупости, сынъ мой, глупости!“ — „Дражайшій роди- тель! я уже твердо рѣшилъ или опыскашь видѣнную мною во снѣ красавицу, или на вѣки останься холосымъ.“ — „Но что на ешо скажешь Государь нашъ?“ — „Что ему угодно.“ — „Нѣтъ, нѣтъ! пу- стое, сынокъ, слышишь ли? пу-

ешое!“ — Молодой человекъ бросается предъ спарикомъ на колѣни и говоритъ ему слѣдующее: „Башюшка! вы сами знали, что такое любовь; чего стоило вамъ получить руку моей мамушки? Сколько было невѣснъ и лучше и прекраснѣе и богашѣе моей мамушки, но вы всѣхъ отвергли. Именемъ вашей первой любви прошу васъ, не заставляйте сына вашего претерпѣвать всѣ горести и несчастія; оставьте меня въ покоѣ и не принуждайте болѣе вступитъ въ ненавистный для меня бракъ. Не уже ли для васъ будетъ приятно, когда единственнѣйшій сынъ вашъ будетъ ежеминутно проклиная жизнь свою и жаловаться на васъ?“ — Спарикъ мало по малу началъ смягчаться; морщины сгладились съ

лица его ; однако нѣкоторая неприятность все еще видна была во взорахъ его. — „Ну такъ дѣлай, что тебѣ хочется!“ сказалъ онъ сыну своему , и вставши съ дивана, пошелъ вонъ изъ комнапы. Удовольствіе и радость ясно изобразились на лицѣ молодаго человѣка; онъ, съ довольнымъ видомъ прошедъ нѣсколько разъ по комнапѣ , сказалъ: „Теперь я покоенъ съ одной стороны , избавившись отъ несносной невѣсты; но гдѣ же могу опыскашь шу, которой милый образъ находишь здѣсь? продолжалъ онъ указывая на сердце , изъ котораго излетѣлъ тяжкій вздохъ. Такъ и бышь , или опыскашь или умерѣшь безъ надѣжды.“ — Заида , въ видѣ канарейки сидѣвшая на окнѣ и слышавшая весь разговоръ

до конца, въ одну минушу принимаешъ на себя свой собсшвенный видъ. Юноша, услышавъ шорохъ, оборачиваешся на задъ, — и увидѣвъ предъ собою прелестную дѣвушку, вскрикиваешъ опъ удивленія и лишаешся чувсшвъ. Спарикъ въ одну минушу прибѣгаешъ на крикъ своего сына и видишъ его безъ чувсшвъ лежащаго на полу; въ сіе самое время Заида, сдѣлавшись невидимою, скрывается. -- „Что сдѣлалось съ побою, сынъ мой? восклицаетъ спарецъ, спараясь привести въ чувсшво молодого человѣка. Зороаспръ! любезный Зороаспръ! услышь голосъ нѣжно любящаго отца шво его.“ — „Гдѣ она?“ говоритъ Зороаспръ опкрывая глаза.“ — „Кшо, сынъ мой?“ опвѣчаетъ ему спарецъ. — „Я ее видѣлъ, продол-

жалъ юноша; она была здѣсь! Куда ты сокрылась ангельская красота? Явись хотя на минушу, дай мнѣ еще узрѣть милый образъ твой!“ — Спарикъ думалъ, что сынъ его лишился ума и съ горестию смотрѣлъ на него. — „Что съ тобою сдѣлалось, дражайшій Зороаспръ? Здоровъ ли ты?“ — „Слава Пророку!“ отвѣчаетъ ему Зороаспръ. — „Отъ чего же я вижу въ тебѣ такое разстройство?“ — „Ахъ, родитель! я сейчасъ видѣлъ ту, къ которой дышетъ душа моя; я видѣлъ на яву ту самую красавицу, которая представлялась мнѣ въ сонномъ видѣніи; она спояла близъ окошка и взирала на меня съ ласковою улыбкою.“ — „Какъ это возможно? Я полагаю, что твое разгоряченное воображеніе представило тебѣ

ее на яву.“ — „Нѣшъ , родителъ мой, я почно ее видѣлъ.“ — „Когда ты швердо увѣренъ въ истинномъ сущесвѣованіи красавицы и видѣлъ оную собсвенными глазами , то подождемъ нѣсколько дней : можешъ бышь она оцяшь явишся.“ — Зороаспръ на сіе согласился ; но только никакъ не хопѣлъ выдти изъ комнашы, и рѣшилъ прожить въ оной цѣлую недѣлю. Онъ скоро вспомнилъ объ пойманной канарейкѣ , и не видя оной думалъ , что она вылетѣла въ разшворенныя двери ; — весьма сожалѣлъ объ ней.

Заида, вышедши изъ дому съ любовію къ Зороаспру и съ сильно біющимся сердцемъ , поспѣшала къ своему жилищу. Она хопя видѣла изумленіе и сильный обморокъ прекраснаго юноши , но не

знала, что онъ ее любитъ, а приписывала все съ нимъ случившееся испугу. Пришедши домой, надѣваетъ перстень на указательный палецъ правой руки, и въ одно мгновеніе ока предстали предъ нее различнаго вида воздушные духи и съ покорностію ожидали повелѣній. Заида, опустивши всѣхъ, оставила одного для своихъ услугъ; тотчасъ приказала ему лечь въ шопъ домъ, гдѣ она была, и узнать, кто шаковы спарикъ и его сынъ; также кого любитъ молодой человекъ. Духъ, поклонившись своей повелительницѣ, исчезъ. Не прошло болѣе одной минуты, онъ опять является и говоритъ Заидѣ слѣдующее: „Могущественная обладательница брилліантоваго перстня! царица духовъ воздушныхъ и

сильная повелительница пшицъ!
 услышь, что скажешь тебѣ духъ
 Позвиздъ, послѣдній изъ рабовъ
 твоихъ. Тотъ домъ, въ кошо-
 ромъ ты была, принадлежитъ
 первому Министру Государя Пер-
 сидскаго, тому старцу, котораго
 ты видѣла: зовутъ его Мазудомъ;
 а молодой человекъ есть его един-
 ственный сынъ, и называется Зо-
 роаспромъ. Сильная любовь къ
 тебѣ пылаетъ въ его сердцѣ.
 Годъ уже тому назадъ онъ уви-
 дѣлъ тебя во снѣ и плѣнился по-
 бою. Отецъ его предлагалъ ему
 многихъ прекраснѣйшихъ невѣстъ,
 но онъ отказывался отъ брака;
 наконецъ самъ Государь Персид-
 ской предложилъ ему свою пле-
 мянницу. Хотя она прекрасная
 дѣвушка, однако ни ея красота,
 ни честь, дѣлаемая ему Госуда-

ремъ, не прельстили его, и Зороаспръ изъ любви къ тебѣ опъказался опъ сего брака. Нынѣ же увида тебя, рѣшилъ не выходить изъ той комнапы, въ которой ты ему явилась. Онъ говоритъ: или увижу опяпъ свою любезную, или умру на томъ мѣспѣ, гдѣ она спояла. Я также старался узнать его сердце и характеръ, и нашель въ немъ всѣ качества, составляющія добродѣпельнаго и совершеннаго человека. Вопъ все, что нужно было узнать.“ Кончивши сіе, духъ съ покорностію ожидалъ еще новыхъ повелѣній. — „Спупай, сказала Заида духу Позвизду, опяпъ къ Зороаспру и скажи ему, если онъ хочешъ меня видѣть, то чтобы прежде сего испросиль у отца своего согласія на нашъ бракъ, а

безъ сего я никакъ не рѣшусь предъ нимъ явиться. Не иначе, какъ въ видѣ своей будущей супруги узришь онъ меня.“ — Духъ, повинувась приказанію своей повелительницы, въ одну минушу скрывается изъ глазъ ея. Во время опсушствія Позвизда, Заида находилась въ сильномъ волненіи духа; въ сердцѣ ея былъ большой безпорядокъ: страхъ и надѣжда безпре-спанно возмущали его. Наконецъ духъ являешся предънею. Увидѣвши его, она невольно содрогнулась. — „Ну, что скажешь Позвиздъ?“ спросила она духа боязливымъ голосомъ. — „Могущественная обладашельница бриллианшоваго перспня! царица духовъ воздушныхъ и сильная повелительница пшицъ! я невидимымъ образомъ перенесся въ шу комнашу, въ кошорой на-

ходился Зороаспръ , и увидѣлъ
 его погруженнаго въ глубокую за-
 думчивость; глаза его неподвижно
 устремлены были на то мѣсто,
 гдѣ ты ему явилась. Я произвелъ
 небольшой шорохъ; онъ вскочилъ
 съ своего мѣста и измѣнился въ
 лицѣ , какъ будто бы ожидалъ
 чего нибудь чрезвычайнаго. Поль-
 зуясь первою минутой его смя-
 шенія и изумленія, я обратился
 въ огненныя буквы слѣдующаго
 содержанія: Зороаспръ! видѣнная
 тобою въ сей комнапѣ дѣвица не
 иначе можешъ здѣсь явиться,
 какъ подъ именемъ будущей тво-
 ей супруги; испроси на сіе со-
 гласіе твоего родителя, и когда
 онъ тебѣ въ семъ не откажетъ,
 то она будетъ твоею на вѣки;
 въ противномъ случаѣ, хотя бы
 ты всю жизнь свою провелъ не

выходя изъ сей комнаты, не узришь ее ни когда.“ Едва онъ прочелъ слова сіи, какъ бросился къ отцу своему, куда и я не видимо перенесся.— „Бапюшка! любезной бапюшка! воскликнулъ Зороаспръ бросаясь на колѣни предъ отцемъ своимъ, меня окружаетъ сверхъестественная сила! Необыкновенныя чудеса доказываютъ ея существованіе! Рѣшите мою участь, дражайшій родитель!“ — „Чѣмъ я могу рѣшить?“ отвѣчалъ ему спарець. — „Согласіемъ вашимъ на бракъ съ неизвѣсною дѣвицею, видѣнною мною во снѣ.“ — Мазудъ воображая, что сынъ его распроялся умомъ, и не желая отказомъ своимъ довести юношу до отчаянія, изъявилъ свое согласіе на бракъ. Кто можетъ описать восторгъ и радость Зо-

роаспрову? Онъ то плакалъ, то смѣялся, и съ жаромъ цѣловалъ руки отца своего, которъй, видя сына своего въ такомъ положеніи, увѣрился, что онъ совершенно поперялъ разсудокъ, и не показывая Зороаспру ни какого вида, терзался внутренно. Исполнивъ свое посольство и ваше приказаніе, оставилъ я отца съ сыномъ и помчался сюда.“ — „Благодарю тебя, Позвиздъ, за твои услуги, сказала ему Заида. Теперь мнѣ нужна великолѣпная колесница, запряженная въ чепыре лучшія лошади.“ — Не успѣла она кончить, какъ у крыльца споялъ уже богатышій экипажъ. Заида, опустивши духа, съ помощію сестеръ своихъ одѣлась какъ можно лучше и сѣвши въ колесницу, приказала везти себя къ дому Ми-

ниспра Мазуда. Когда она вхала по улицамъ, по всякой оспана-вливался и смопрѣль съ удивленіемъ на великолѣпный экипажъ и прекрасныхъ лошадей; самъ Государь Персидскій на имѣль шакой колесницы и лошадей. Когда кучеръ оспановился у передвяго крыльца, то Заида приказала о себѣ доложитъ Миниспру такимъ образомъ, что одна неизвѣстная дѣвушка желаетъ съ нимъ переговорить объ важномъ дѣлѣ. Выходя изъ колесницы, она накинула на лице себѣ покрывало и такимъ образомъ вошла въ пріемную залу, гдѣ находился Миниспръ съ своимъ сыномъ. — „Что вамъ угодно, любезная дѣвица?“ спросилъ ее Мазудъ съ ласковостію и добродушіемъ. — „Быть вашею,“ отвѣчала Заида, бросаясь предъ нимъ

на колѣни и срывая покрывало съ лица своего. — Спарецъ съ изумленіемъ опсупаешъ на задъ и смопришъ на нее не говоря ни слова; но Зороаспръ вывелъ опца своего изъ удивленія. Едва онъ взглянулъ на лице Заиды, какъ въ одну минушу бросился предъ нею на колѣни, произнося сіи слова: „Прелестъ очей моихъ! опрада сердца и душа души моей! прими признаніе вѣчной любви и нѣжности опъ обожаемаго шебя Зороаспра! вся жизнь моя, все мое существованіе принадлежишъ шебъ на вѣки! Я увѣренъ, что шы раздѣляешъ со мною нѣжныя чувствованія любви.“ — „Такъ! Зороаспръ, опвѣчала ему Заида, я люблю шебя, и если твой родитель одобришъ нашу взаимную любовь, шо Заида навѣки швоя!“ —

„Дражайшій родитель! произнесъ Зороаспръ просящимъ умоляющимъ голосомъ, не лишите меня опказомъ своимъ жизни, а себя сына; рѣшите участь двухъ любящихся сердець.“ — „Встань, сынъ мой! сказалъ Мазудъ послѣ нѣкотораго молчанія: вижу очень ясно, что тебя и меня окружаютъ сверхъестественныя чудеса, коимъ я не въ силахъ проивиться. Приблизшись ко мнѣ, дѣпи мой! продолжалъ онъ возвыся голосъ, будьте счастливы и благополучны! Молю Пророка, да удалишь отъ васъ всѣ непріятели и да никакая печаль и горестъ не помрачитъ дней жизни вашей.“ — Въ сіе время слезы заблещали на очахъ сарца, голосъ его пресѣкъся и онъ въ молчаніи заключилъ въ свои объятія счастли-

выхъ любовниковъ!.... Всѣ прѣе чувствовали въ душахъ своихъ такое восхищеніе, котораго описать трудно; должно бытъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, чптобы совершенно познатъ оное. Наконецъ Заида объявляетъ Мазуду и Зороаспру, кто она такая, какимъ образомъ увидѣла и узнала Зороаспра; словомъ, рассказала всю свою жизнь до самаго появленія ея предъ Министромъ и его сыномъ.

Чрезъ нѣсколько дней съ пышностію и великолѣпіемъ совершено было бракосочетаніе двухъ любовниковъ. На другой день по утру Мазудъ, взявши съ собою Зороаспра и Заиду, явился съ ними къ своему Государю. Хозрой, Шахъ Персидскій, увидѣвши Заиду, пѣнился ею; неудовольствіе

и гнѣвъ, что Зороаспръ отвергнулъ руку его племянницы и сильная любовь къ Заидѣ, рѣшили участь юнаго Зороаспра: Шахъ положилъ въ мысляхъ погубить его. Когда молодые супруги опскланялись Хозрою, онъ удалился въ кабинетъ, и въ глубокой задумчивости сидѣлъ облокотясь рукою своею на мраморной столѣ. Ревность, ненависть и любовь овладѣли сердцемъ его; онъ выдумывалъ тысячу плановъ къ гибели Зороаспра, но ни одинъ не годился. Когда онъ былъ погруженъ въ сіи мысли, вдругъ что-то упало къ ногамъ его. Хозрой, опъ сего вышедши изъ задумчивости, увидѣлъ, что ешо былъ небольшой шарикъ, кошорой весьма проворно катался по комнатѣ; наконецъ остановивъ

шись среди оной, началъ примѣпнымъ образомъ увеличивашься и въ шеченіи двухъ минутъ достигши непомерной величины, съ великимъ шрескомъ разорвался. Успрашенный симъ зрѣлищемъ Государь Персидскій, увидѣлъ предъ собою споящаго старика; бѣлая снѣгоподобная борода покрывала грудь его; одѣжда его соспояла изъ маншіи голубаго цвѣта, изпещренная золопыми звѣздочками, копорую опоясывала искуспвенная золопая змѣя; голова спарца украшена была блиспающею короною; въ рукахъ своихъ онъ имѣлъ волшебный жезлъ. Хотя онъ ласково глядѣлъ на Хозроя, но какая-то суровость и злоба начертаны были на лицѣ его, покрытомъ глубокими морщинами. — „Здравствуй Хозрой,

Государь Персидскій! произнесъ неизвѣстный спарець такимъ голосомъ, отъ котораго невольно вздрогнулъ Шахъ; — объ чемъ ты задумался? — Сказавши сіе, онъ замолчалъ и смотрѣлъ на Хозроя испышующимъ взоромъ. — „Я! отвѣчалъ ему Хозрой дрожащимъ голосомъ; развѣ ты не знаешь тяжести государспвеннаго правленія? — „Полно шайшься, произнесъ неизвѣстный; я знаю, что не дѣла государспвенныя причиною твоей задумчивости; но любовь къ Заидѣ и ненависть къ Зороаспру. Угадалъ ли я? — „Такъ точно, ты угадалъ, отвѣчалъ съ смущеніемъ Шахъ Персидскій; признаюсь, что ето самое погрузило меня въ задумчивость. Но кто ты невѣдомый? спросилъ онъ старца.“ — „Я волшебникъ

Зердустъ , и явился къ тебѣ для того единственно, чтобы помочь своему горю, и погубивъ Зороасра, увѣнчашъ любовь свою.“ — Хозрой, услышавши сіе, бросаешия предъ волшебникомъ на колѣни и говоришь ему: „могущественный Зердустъ! я весь къ своимъ услугамъ: дай изъ меня, что тебѣ угодно, только доспавъ мнѣ Заиду и погуби ея мужа.“ — „Слушай, Государь! отвѣчалъ ему волшебникъ, я не могу самъ собою ничего произвести, потому что моя возлюбленная есть дочь сильнѣйшаго волшебника и могущественнаго повелителя духовъ воздушныхъ, земныхъ и водныхъ; хотя онъ уже умеръ, но Заида и двѣ сестры ея имѣютъ сильные палисманы, кошорые обращаятъ въ ничто мое иску-

ство и хитроспъ; единственное средство состоишь въ томъ, что я могу подать тебѣ совѣтъ, который ты долженъ произвести въ дѣйство. Завтрашній день по утру призови Зороастра и прикажи ему доставить такой шаперъ, подъ которымъ могло бы уславиться сто тысячъ войска, и чтобы онъ былъ весь цѣльный; при томъ же, когда его соберешь, то чтобы одинъ человекъ могъ свободно нести его; объяви за сея наградишь его, а въ случаѣ недоставленія лишишь жизни. Прощай Хозрой! желаю тебѣ счастливаго успѣха; я чрезъ мѣсяць явлюсь къ тебѣ непременно.“ — Сказавши се, волшебникъ превращается въ шмеля и улешаетъ.

На другой день по утру Хозрой призываетъ къ себѣ Зороаспра и говоритъ ему слѣдующее: „Зороаспръ! всякой истинный сынъ опечества долженъ пецись объ его пользѣ, а шѣмъ болѣе люди пославленные на высшую степень достоинства; ты сынъ перваго моего Министра, а потому болѣе всѣхъ долженъ соревновать общему благу. Тебѣ, думаю, извѣстно, сколь великая сумма издерживается на палатки для моего войска; но при всемъ томъ видна великая неудобность: мнѣ желательна доспашь такой шашеръ, подъ копорымъ свободно могло бы помѣститься сто тысячъ войска; при томъ же онъ долженъ быть цѣльной, и когда эго соберушь, чшобы одинъ че-

ловѣкъ могъ удобно нести его. Постарайся сыскаль такой шаперъ; возьми изъ моего казнохранилища сколько угодно тебѣ денегъ, не жалѣй ихъ, только сыщи то, объ чемъ я сказала тебѣ. Даю тебѣ сроку на мѣсяць, по окончаніи котораго ты долженъ мнѣ доставить шаперъ, или лишиться жизни.“

Кончивши слова сіи, Хозрой всталъ съ своего мѣста и удалился во внутренніе покои, оставивъ Зороаспра въ сильной горести и опчаяніи. Пришедши домой, онъ былъ задумчивъ и унылъ; нѣжныя ласки и поцѣлуи Заиды не могли развеселить его.

„Любезный Зороаспръ, дражайшій супругъ мой! что съ тобою случилось? спрашивала его Заида скажи мнѣ причину печали тво-

ей.“ — Но Зороастръ не говорилъ ни слова: одни тяжкіе вздохи излепали изъ груди его. Наконецъ послѣ неоднократной просьбы, Заида узнала причину его задумчивости и унынія. „Для чего ты такъ сокрушаешься мой милый? сказала она ему послѣ сего: доспашь такой шаперъ ничего не споишь.“ — Въ одну минуту надѣваешь брилліаншовой перстень на указательный палець правой руки и произносишь имя Позвизда.— „Что повелишь нижайшему рабу своему?“ сказалъ Заидъ явившійся духъ.— „Поди, принеси мнѣ шакой шаперъ, подъ копорымъ могло бы помѣститься свободно споишьяное войско; не смопря на величину его, онъ долженъ быть цѣльной и когда оный соберется, чтобы одинъ че-

ловѣкъ могъ свободно нести его.“
 „Повинуюсь,“ ошвѣчалъ ей Позвиздъ, и въ одну минушу исчезъ. Не прошло четверти часа, какъ онъ опять явился держа въ рукахъ своихъ небольшой свернушой клубъ полотна. — „Какъ! не уже ли ето шаперъ, подъ кошорымъ можно помѣспиться спотысячному войску?“ спросилъ его Зораспръ съ изумленіемъ. — „Такъ почно, Милоспивый Государь, ошвѣчалъ ему духъ; не только спотысячь, но и милліонъ подъ онымъ можешъ успавишься. Когда вы сомнѣваешесь въ дѣйствительности сего, то пойдешъ въ поле и я васъ увѣрю.“—Зораспръ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, и не медля ни мало поѣхалъ въ поле, а Позвиздъ слѣдовалъ за нимъ невидимо. При-

вхавши на пространное мѣсто, духъ разкинулъ находящійся въ рукахъ его шашеръ, и Зороаспръ съ удивленіемъ увидѣлъ, что имъ покрылось все поле, хотя оно было величайшаго пространства. Духъ, научивши супруга Заиды какъ его употреблять, ошдалъ ему и въ минушу исчезъ, а Зороаспръ съ удовольствіемъ возвратился домой и спокойно ожидалъ срока явишься къ Хозрою. Между тѣмъ Фатима желая всунуть въ супружество, просила сестру свою бросить серебряный шарикъ и слѣдовать съ нею до назначеннаго опцемъ ихъ мѣсна; Заида съ охотою на сіе согласилась, и проспившись съ своимъ супругомъ и Аминою, отправилась въ путь съ сестрою. Онѣ обѣ по средству

своихъ перспней сдѣлались не видимыми и слѣдовали за кашающимся шарикомъ. Когда шарикъ остановился близъ нѣкопорого дерева, то Заида нашедши небольшой срубленный сучекъ и взявши иглу, кольнула въ него оною. Въ одно мгновеніе ока явился предъ ними огромный замокъ; крышка на немъ была чистаго золоша: лучи солнечные, ударяя въ оную, ослѣпляли зрѣніе; стѣны состояли изъ бѣлаго мрамора; лишыя серебряныя воровы были разтворены. Заида и Фашима входящъ на дворъ, и приближаясь къ крыльцу, увидѣли у онаго прикованныхъ свирѣпыхъ львовъ, копорые съ яростию бросились на двухъ сестеръ; но Фашима уставила прешивъ ихъ, свой перспень

и они, укротившись, оказывали знаки покорности и повиновения, махали своими хвостами и потрясали гривами. Обѣ сестры пошли по великолѣпному крыльцу и вступили во внутренность замка, котораго великолѣпіе и богатство трудно описать. Повсюду блистали драгоценные каменья; комнаты обиты были рѣдчайшими Индійскими шканими въ золотыхъ сосудахъ курились различныя благовонія, коихъ приятный запахъ разпространялся по всюду. Заида и Фашима, пройдя довольное количество покоевъ, весьма удивлялись не видя ни одного человѣка, хошя все доказывало, что въ ономъ замкѣ жили люди; наконецъ вступя въ одну залу, которая была великолѣпнѣе и лучше всѣхъ прочихъ, онѣ не-

вольно остановились: на встрѣчу къ нимъ шелъ на заднихъ ногахъ величайшій и ужаснѣйшій левъ. Фашима въ одну минушу успавила прошивъ него свой перспень; но сколь велико было изумленіе обѣихъ сесперъ, когда левъ началъ говорить человѣческимъ голосомъ слѣдующее: „Не думай, любезная Фашима, чптобы я успрашился швоего перспня: сей шалисманъ не имѣетъ надо мною никакого дѣйствія. Я весьма радъ, увидя тебя, моя милая будущая супруга!“ — „Какъ! воскликнула Фашима измѣняющимся голосомъ и дрожа всѣмъ шѣломъ, мнѣ должно бытъ швоею супругою?“ — „Да, ошвѣчалъ ей левъ; согласившись принадлежать мнѣ, ты исполнишь желаніе покойнаго швоего родишеля.“ — „О родишель

мой! произнесла Фашима въ сильной горести, чѣмъ я заслужила опъ себя такое наказаніе? Нѣтъ! лучше соглашусь на всю жизнь оспаться незамужнею.“— „Ешаго сдѣлать не возможно, сказалъ левъ свирѣпымъ голосомъ: или будь моею женою или гошовься на жесточайшія мученія!“ — Фашима, слыша такія угрозы, прибѣгаетъ къ помощи своего першня; но онъ не приноситъ ей ни малой пользы. — Левъ, видя сіе, засмѣялся весьма громко. „Чшо, моя милая, швой талисманъ не дѣйствуетъ? Жалко, весьма жалко.“ — Заида въ продолженіи сего времени спояла подобно испукану: изумленіе, страхъ и горестъ оковали всѣ ея чувства; наконецъ пришедши нѣсколько въ себя, начала уговаривать сеспру

свою согласишься на желаніе льва. „Любезная Фашима! говорила ей сестра ея, отдавши руку свою льву, ты избѣгнешь мучительной смерти и исполнишь волю покойнаго родителя нашего. Посмотри хорошенько на сего величаваго царя звѣрей: онъ не споль спрашенъ, каковымъ ты его себѣ представляешь. — Фашима видя, что ей должно на что нибудь согласишься, погрузилась въ глубокое размышленіе; наконецъ жестокосінь мученій и любовь къ жизни побѣдили, и она рѣшилась бытъ женою льва. „И шакъ вы согласны назваць меня именемъ супруга?“ спросилъ ее левъ. — „Согласна,“ отвѣчала Фашима. — Едва она произнесла сіе слово, какъ левъ превратился въ прекраснѣйшаго мужчину и упалъ

предъ нею на колѣни. „Дражайшая Фашима! началъ говорить молодой человекъ нѣжнымъ спрашнымъ голосомъ, вы мнѣ возвращаете и жизнь и прежній образъ; въ случаѣ вашего отказа, я бы долженъ оснаться на всегда львомъ, и ошъ горести и ошчаянїя въ непродолжительномъ времени умерѣшь; но теперь, находясь въ наспоющемъ видѣ и обладая вами, я счастливѣйшій человекъ на свѣш!“ — Заида съ Фашимою пораженъ будучи удивленїемъ, спояли не говоря ни слова; впрочемъ послѣдняя не могла долго смотрѣшь равнодушно на прекраснаго незнакомца: его прелестныя чершы, выразительность лица, нѣжность голоса и положенїе, въ каковомъ онъ находился, плѣнили ея сердце;

она, покраснѣвши и потупивши глаза въ землю, подала свою руку молодому человѣку, кошорой осыпалъ оную пламенными поцѣлуями. Заида и Фашима просили незнакомца объявить имъ, какъ его зовутъ, кшо онъ шаковъ и какимъ случаемъ былъ превращенъ въ льва? Онъ съ удовольствіемъ на сіе согласился, и когда всѣ сѣли, незнакомецъ началъ говорить слѣдующее:

„Исторія моя непродолжительна. Я называюсь Агибомъ; отецъ мой былъ Королемъ на нѣкошоромъ Африканскомъ островѣ; вашъ покойный родитель былъ искренній и вѣрный другъ отца моего; опъ сего самаго моя участь до сихъ поръ была весьма несчастлива. Моргабъ, сильный непріятель родителя

вашего и обладашеть злыхъ духовъ , узнавъ , что мой отецъ былъ другъ вашему , рѣшился излишь злобу свою надъ Королемъ , опцемъ моимъ . Едва я достигъ пятнадцатилѣтняго возраста , какъ явился при дворѣ нашемъ Моргабъ въ видѣ шуша ; оспрѣя его шушки , умные совѣщны и необыкновенная ловкость , скоро доставили ему довѣренность и любовь моихъ родителей . Я такъ къ нему привязался , что не могъ почпи ни минушы бышь безъ него . Однажды мнѣ вздумалось ѣхать на охоту ; Моргабъ сопровождалъ меня . Лишь только мы вѣхали въ лѣсъ , какъ увидѣли прекраснаго оленя , за кошорымъ я съ сильною запальчивосцію погнался ; моя и Моргабова ло-

шади, будучи прочихъ быстрѣе, скоро ускакали изъ виду охотниковъ. Едва мы заѣхали въ чащу лѣса, какъ Моргабъ, превращаясь въ ужаснаго крылашаго исполина, схватилъ меня за волосы и съ быстротою молніи поднялся на воздухъ. Представьте себѣ тогдашнѣ мое мученіе и страхъ! Злобный Моргабъ прилепѣлъ со мною въ сей замокъ и помощію своей науки превративъ меня во льва, присовокупилъ слѣдующее: „Оспавайся, несчастный, въ семь видѣ до пѣхъ самыхъ перъ, доколѣ нѣкошорая дѣвица, обладающая духами земными и всѣми звѣрями, не придетъ къ тебѣ и не согласишся выдти за тебя замужъ.“ Кончивши слова сіи, онъ исчезъ, и оставилъ меня одного въ семъ замкѣ и въ

шакомъ точно видѣ, въ какомъ я вамъ представился, не опнявши впрочемъ ни одной изъ способностей человѣческихъ, что еще болѣе усугубляло мои мученія. По прошествіи чепырехъ лѣтъ, проведенныхъ мною здѣсь въ семь мучительномъ положеніи, явился ко мнѣ вашъ родитель и объявилъ съ пролишемъ слезъ о кончинѣ моего отца и матери. Когда я ошъ сего извѣсшія пришелъ въ сильное опчаяніе, онъ всемѣрно спарался успокоить меня. „Я, говорилъ мнѣ вашъ родитель, неусыпно пекусъ улучшить швою участь, и надѣюсь разрушить очарованіе хипраго Моргаба: моя средняя дочь уничтожитъ все козни его.“ Сказавши сіе, онъ меня оставилъ, поселивъ въ сердцѣ моемъ

нѣкоторое спокойствіе и надежду о перемѣнѣ моего несчастнаго состоянія. До самаго вашего прибытія я ни кого болѣе не видалъ. — О! любезнѣйшая Фашима! произнесъ Агибъ, бросаясь предъ нею на колѣни, какою радостію наполнилась душа моя, когда я узрѣлъ васъ! Теперь мои злосчастія кончились.“

Едва Агибъ кончилъ исторію своей жизни, вдругъ входяишь въ залу множество служивелей и служивельницъ, копорые съ величайшею покорностію поклонясь Принцу и двумъ сеспрамъ, представляли имъ свои услуги. Агибъ, такъ какъ хозяинъ замка, разпредѣлилъ каждому свою должность, а женщинъ всѣхъ поручилъ власпи Фашимы. На другой день съ пышностію и вели-

кольпіемъ совершенно было бракосочетаніе Принца Агиба съ Фашимою. Заида, пробывъ цѣлый мѣсяць у новобрачныхъ, отправилась къ своему мужу. Прибывши домой, нашла она Зораспра въ сильной горести и печали. Увидя любезнаго супруга своего въ такомъ положеніи, спрашиваетъ она съ заботливостію, что причиною его задумчивости и унынія? — „Да! ты веселясь на свадьбѣ Фашимы, забыла о своемъ мужѣ, которому готовишься неминуемая и скорая смерть.“ — „Какъ! что ты говоришь? отъ чего это?“ — „Когда пришелъ срокъ, сказалъ ей Зораспръ, нести шаперъ къ нашему Государю, я взялъ его и принесъ къ нему. Увидя шаперъ и узнавъ его свойство, онъ

весьма ему дивился, и хотя благодарилъ меня, однако я замѣшилъ нѣкоторое неудовольствіе, изображенное на лицѣ его; впрочемъ я съ довольнымъ спокойствіемъ возвратился домой, воображая, что симъ шапромъ кончились мои услуги; но какъ жестоко обманулся! На другой день поутру опять меня пребудушъ къ Хозрою; не медля ни мало являюсь къ нему, и слышу отъ него слѣдующее: „Зороаспръ! я весьма доволенъ доставленнымъ шобою шапромъ, и прошу тебя сдѣлать еще одну услугу. Дошло до моего свѣденія, что въ какомъ-то, не знаю только, Государствѣ, находишся птица, называемая Фениксъ, которую мнѣ весьма хочется имѣть у себя; для тебя ничего не стоить

достать сію ппицу, когда уже пы досталь споль удивительной шаперъ. Даю тебѣ сроку на два мѣсяца, по истеченіи которыхъ или явись ко мнѣ съ Фениксомъ или простиись съ своею жизнію.“ Кончивши сіе, онъ пошелъ вонъ изъ залы, оставя меня въ недоумѣніи и сильной горести. — Вошъ теперъ уже прошелъ цѣлой почши мѣсяць, а я не знаю, что дѣлать и гдѣ достать сію ппицу.“ — „Не безпокойся, любезный Зороаспръ, опвѣчала ему Заида: сія услуга ничего не значишь.“ Она беретъ брилліантовый перстень и кладетъ оный въ ропъ; вдругъ въ одну минуту всѣхъ родовъ ппицы являюся предъ нею. „Я желаю знать, сказала она ппицамъ, гдѣ находиися Фениксъ и какимъ

образомъ достать его?“ — „Я знаю, могущественная повелительница пшицъ, прочирикалъ Воробей, и могу достать его, только прикажи Орлу и Куншуру летѣть со мною.“ — „Ну хорошо, спупай.“ — Воробей, взявши съ собою Орла и Куншура, скрылся изъ глазъ Заиды, копорая, не имѣя нужды въ прочихъ пшицахъ, оппустила оныхъ отъ себя. На другой день весьма рано по ушру Заида увидѣла возвратившихся своихъ крылашыхъ посланниковъ, съ копорыми находился Фениксъ. Она прельспилась сею красивою пшицею, и потъ часъ посадивши ее въ золотую клетку, вручила Зороаспру, копорый, видя въ рукахъ своихъ Феникса, находился въ великомъ удовольспвіи и восхищеніи. По прошеспвіи двух-мѣсячнаго срока,

Зороастръ съ Фениксомъ явился предъ Шахомъ Персидскимъ и представилъ ему сію рѣдкую и драгоцѣнную пшицу. Хозрой весьма удивился, что сынъ его Миниспра досталъ Феникса, и взявъ оную, хопя благодарилъ Зороастра, однако во взорахъ его было примѣшно нѣкоторое смущенное неудовольствіе, изъ чего супругъ Заиды не предвидѣлъ ничего для себя хорошаго. Возвращаясь домой, онъ сказалъ женѣ своей, что замѣшилъ изъ взглядовъ своего Государя. „Не беспокойся, мой милой, отвѣчала ему Заида; нѣтъ ничего невозможнаго для меня: я все обѣщаюсь тебѣ доставить; въ пропивномъ случаѣ и самую жизнь для тебя пожертвую.“ Сіи слова успокоили Зороастра; онъ бросается въ

объятія своей супруги и осыпаетъ ее пламенными поцѣлуями.

Не прошло послѣ сего болѣе трехъ мѣсяцовъ, Амина спала просить Заиду, чтобы она выдала ее замужъ, на что Заида съ охотою согласилась. Обѣ сестры простившись съ Зороаспромъ, оправились, при помощи своихъ персїей, невидимымъ образомъ въ слѣдъ за мѣднымъ Амининымъ шарикомъ, который, прикапавшись къ морскому берегу, остановился близъ одного небольшого дикаго камня, обросшаго осоккою. Едва Заида кольнула въ камень иглою, какъ въ одну минушу взору двухъ сестеръ представился огромнѣйшій замокъ, котораго богатство и великолѣпіе трудно описать: онъ весь состоялъ изъ чистаго и лучшаго яншаря; цѣль-

ный изумрудъ составлялъ крышку онаго; окружали его величайшія колонны изъ восполнаго хрустала; коралловые ворошны были разтворены; — и Заида съ Аминою, вступя на пространной дворъ, приблизились къ великолѣпному перламутровому крыльцу, близъ коего находилось двенадцать ужаснѣйшихъ крокодиловъ, копорые съ разверстыми пастьми бросились на двухъ сестеръ; но едва Амина успавила противъ ихъ свой изумрудный перстень, они въ поже мгновеніе укропили свою люпость и оставили свободный ходъ во внутренность замка, куда ни мало не медля Заида съ Аминою вступили. Проходя множество огромныхъ и великолѣпныхъ комнашь, онѣ не видали ни одного человѣка и ни

одного живаго существа; напослѣдокъ войдя въ пространную и богашѣйшую залу, увидѣли онѣ величайшаго и отвращительнаго крокодила, кошорый человѣческимъ голосомъ началъ говорить слѣдующее: „Добро пожаловашъ любезная Амина! Какъ я радъ, что тебя вижу! Ты, право, прекрасная дѣвица, и споишь бышь моею супругою.“ — „Какъ! произнесла Амина съ содроганіемъ, не ужели сей ужасный крокодилъ долженъ бышь моимъ мужемъ? Нѣтъ! я швердо увѣрена, что мой родитель не желаетъ сдѣлать меня на вѣки несчастною. Удались отъ меня мерзкое и гнусное чудовище!“ Говоря сіи слова, она успавила прошивъ крокодила изумрудный перстень. — „Перстня швоего я не

боюсь, а женою моею ты должна быть необходимо, опивъчаль ей крокодиль; а въ прошивномъ случаѣ разорву тебя въ мѣльчайшія части. Выбирай изъ двухъ любое.“ — Окончивши слова сіи, онъ вспалъ на заднія лапы и разверзъ пасть свою, въ которой зіяли серповидные зубы. — Заида видя сіе, начала уговаривать сеспру свою согласиться на желаніе крокодила. „Можешь быть, говорила она Аминъ, вмѣсто ужаснаго чудовища явится прекрасный Принцъ, также точно, какъ Фашиминъ мужъ изъ льва превратился въ Принца Агиба.“ — Амина, подумавъ нѣсколько, согласилась быть женою крокодила. „Поди же въ мои объятія, дражайшая супруга! произнесъ крокодиль разпростирая свои

чудовищныя кохписыя лапы; прими отъ меня первый поцѣлуй нашей взаимной и вѣчной любви.“ — Амина думая, что увидишь себя въ объятіяхъ прекраснаго юноши, не прошившись ни мало; но сколь велико было ея изумленіе и ужасъ, когда она увидѣла вокругъ шеи своей чешуйчатыя лапы крокодила, и когда его острое и грубое рыло коснулось нѣжныхъ губъ ея. „Великіе Боги! вскричала она вырвавшись изъ объятій чудовища и дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ я обманулась!... Ахъ! я воображала совсемъ другое!“ — „Что же ты воображала, моя красавица? спросилъ Амину будущій мужъ ея. А! знаю, милая, знаю! Ты думала, что я такой же превращенный Принцъ, какъ мужъ твоей сестры Фашины; но не льспи себя сею

пустою надѣждою: я былъ опъ моего рожденія шаковъ же, какъ теперь; я шаковымъ навсегда останусь.“ — Сїи послѣднїя слова крокодила лишили Амину послѣдняго присущаго духа. „Что мнѣ дѣлать?“ воскликнула она опчаяннымъ голосомъ. — „Или согласишься сей же часъ идти къ брачному жертвеннику или не медленно лишишься жизни.“ — Амина погрузилась въ глубокую задумчивость, и разсуждала сама съ собою, на что ей рѣшиться; наконецъ, по долгомъ размышленїи, она пропянула руку крокодилу, называя его своимъ супругомъ. Едва она произнесла слова сїи, какъ увидѣла предъ собою вмѣсто ужаснаго крокодила, прекраснаго морскаго льва. — „Что это значишь?“ произнесла изумленная

Амина. — „Я для свадьбы пере-
мѣнилъ наспоющій видъ свой,
опвѣчалъ ей бывшій крокодилъ,
а послѣ оной опять приму онъ и.“
Амина нѣсколько успокоилась: для
нее по крайней мѣрѣ и то было
небольшою опрадою, что женихъ
ея при перемѣнѣ своего чудовищ-
наго наружнаго вида, перемѣнилъ
казалось и внутреннія качества:
голосъ его сдѣлался гораздо при-
яшнѣе и нѣжнѣе, грубые и свирѣ-
пыя поступки перемѣнились въ
ласковость и кротость. Морской
левъ произнесъ нѣкопорыя не-
извѣстныя слова, и въ одну ми-
нушу зала, въ которой они нахо-
дились, превратилась въ велико-
лѣпный храмъ, посвященный Люб-
ви Гименею; близъ жертвенника
стоялъ почтенный старецъ, одѣ-
тый въ жреческое платье; онъ

держалъ въ рукахъ своихъ два розовые вѣнка. Когда приблизились къ нему морской левъ и Амина, то онъ надѣлъ на ихъ головы находящіяся въ рукахъ его вѣнки, и вдругъ опъ сего женихъ и невѣста превращаются въ два куста прекраснѣйшихъ розъ, копорые склонясь другъ къ другу своими вѣшьями, сплелись вмѣстѣ. — „Что это значить?“ спросила жреца изумленная Заида. — „Благоволеніе и милость Боговъ, опвѣчалъ ей спарець не перемѣняя ни мѣста своего, ни положенія, въ каковомъ онъ находился. Смотри Заида, продолжалъ онъ, и удивляйся могуществу Боговъ.“ — Она устремила взоры свои на розовые кусты, и вдругъ видишь, что они начали болѣе и болѣе зеленѣть и цвѣсти,

попомъ потрясашь своими вѣшьями и лиспочками; наконецъ мало по малу начали уменьшашься и исчезашь; когда уже опъ нихъ ничего не оспалось, вдругъ ударилъ громъ, жершвенникъ началъ колебашься, жрецъ упалъ на колѣни и поднялъ къ верху свои руки; испуканъ Гименя, споящій на подножіи близъ жершвенника, потрясъ своимъ пламенникомъ, изъ коего блеснулъ шакой яркой свѣшъ, что Заида, не могши вынести онаго, упала ницъ на землю. Едва она опомнилась и вспала, шо увидѣла Амину и прекраснѣйшаго юношу, споящихъ близъ жершвенника, коимъ жрецъ давалъ послѣднѣе благословеніе. Когда кончилось совершенно бракосочешаніе, Амина бросилась въ объятія сестры своей, и преры-

вающимся голосомъ произнесла сіи слова: „Любезнѣйшая сестрица! я счастливѣйшая изъ смертныхъ!“ — Заида, довольно уже видѣвшая различныя чудеса и почти привыкшая къ онымъ, не могла однако, при столь необыкновенныхъ и быспрыхъ перемѣнахъ, быть въ свободномъ и хладнокровномъ равнодушіи: изумленіе оковало языкъ ея и чувства; она стояла подобно испукану не прогаясь съ мѣста. Амина, примѣтивъ смущеніе сестры своей, подходитъ къ ней, беретъ ее за руку и подводя къ неизвѣстному юношѣ, говоритъ: „Дражайшая сестрица! возьми мой супругъ: прошу тебя полюбить его.“ — Заида, выведенная симъ изъ безчувствія, обращается къ молодой чещѣ и говоритъ имъ: „Желаю

вамъ опть чистаго сердца счастья и благополучія; желаю, чшобы взаимная любовь и вѣчное согласіе царствововали между вами до послѣдней минушты вашей жизни.“ — По окончаніи взаимныхъ привѣщсшвій, молодой супругъ Амины просиль Заиду и свою любезную супругу въ другія комнаты. Приведа ихъ въ госпшную, оставиль однѣхъ удивляшсья великолѣпію и богатству оной, а самъ удалился; чрезъ нѣсколько минушъ возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ служшпелей, несущихъ завтракъ на золотыхъ драгоценнѣйшихъ блюдахъ. Послѣ завтрака Заида и Амина неперпѣливо желая знашть, кшо шакоеъ любезный незнакомецъ, и какимъ случаемъ былъ превращень въ столь ужасное и опшврашштельное

чудовище , просили разска-
зашь имъ испорію его жизни.
Онъ поцѣловавъ свою супругу, на-
чалъ говорить слѣдующее:

„Я единственнѣйшій сынъ Мук-
шара, бывшаго Короля Бенгаль-
скаго; имя мое Сефаръ. Нечаян-
ный случай познакомиль опца
моего съ вашимъ родителемъ.
Мать моя сдѣлалась опчаянно
больна; никакое врачебное иску-
ство не могло помочь ей: бо-
лѣзнь часъ опъ часу усиливалась
и приближала ее къ смерти.
Всѣ врачи опказались и назна-
чили время, въ которое она дол-
жна была распашься съ жиз-
нію. Опець мой, любя ее весьма
нѣжно, находился въ большомъ
опчаяніи. Однажды въ великой
горести сидѣлъ опець мой по-
длѣ постѣли умирающей жены

своей, вдругъ входилъ въ комнату служитель и докладывалъ, что какой-то неизвѣстный спарець желаетъ его видѣть, имѣя большую нужду, касающуюся собственно до самаго Короля. Отець мой выходилъ въ пріемную и видилъ предъ собою почтеннаго мужа, покрытаго сѣдинами; добродушіе и кротоспъ, смѣшанная съ важно-стію, начертаны были на лицѣ его: эшотъ спарець былъ вашъ родитель. Поклонясь Королю, онъ сказалъ: „Мукшаръ, Король Бенгальскій! слышалъ я, что ты находишься въ сильной горести по причинѣ болѣзни супруги твоей; очень знаю, сколь горестно видѣть любезный предметъ сердца въ мучительной болѣзни, зрѣшь каждый день

спраданія и борьбу жизни съ смертію.“ — „Такъ, швоя правда, ошвѣчалъ ему опецъ мой.“ — „Желаешь ли ты, чшобы я вылъчилъ швою сунругу? спросилъ спарець.“ — „Ахъ! еслибы ты могъ сдѣлать сіе, шо моя вѣчная благодарность никогда бы не измѣнилась: я бы считалъ тебя въ числѣ лучшихъ своихъ друзей и благодѣшелей. Требуи ошъ меня какой хочешь награды: я все исполню съ величайшею охотою.“ — „Мнѣ не нужна ни какая награда: довольно одной швоей дружбы; обладашель и повелитель духовъ воздушныхъ, земныхъ и водныхъ ни въ чемъ не нуждается: дѣлать добро, вошъ моя потребность.“ — „О могущій! произнесъ Король упаядая предъ спарцемъ на колѣни,

не медли ускорить мое счастье.“ — „Пойдемъ, Мукшаръ, къ больной швоей супругѣ.“ — Когда они вошли въ спальню, спарець приближился къ постѣли умирающей Королевы, вынулъ изъ кармана небольшую скляночку съ какою-то красноватою жидкостьюю и наливши оной нѣсколько капель на ложку, влилъ въ ротъ больной моей матери. Въ одну минушу лице ея принимаетъ живость, мертвенная блѣдность щекъ превращается въ живой румянецъ; она открываетъ глаза, поднимаетъ голову и всматривается съ постѣли совсемъ уже здоровою. Родитель мой съ радостнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на выздоровѣвшую свою супругу; равнымъ образомъ и мать моя не безъ удивленія смотрѣла на

стоящаго предъ нею старца.
„Любезная, сказалъ Король оборо-
пясь къ супругѣ своей, припа-
демъ къ ногамъ сего благодѣ-
тельнаго и почтеннаго мужа,
возвращившаго тебѣ здоровье и
жизнь, а мнѣ тебя.“ — По окон-
чаніи словъ сихъ, оба они по-
вергаются на колѣни. — „Вспань-
те, вспаньте, произнесъ спа-
рецъ крошкимъ голосомъ; я не
Богъ: вѣнчанныя головы должны
преклоняшья предъ одними Бо-
гами.“ — Но что продолжатъ из-
лишнее, скажу однимъ словомъ,
что съ сихъ самыхъ поръ шѣ-
сная дружба соединила вашего
родителя съ моими. Вашъ по-
койный родитель пробывъ нѣ-
сколько времени у насъ, уда-
лился, обѣщаясь какъ возможно
чаще навѣщать друзей своихъ,

что и сдержалъ твердо. Отецъ мой, мать и я жили благополучно, не предвидя, что величайшія несчастія висѣли надъ главами нашими. Ахъ! наши мирные дни, наше спокойствіе превратились въ слезы, вопли и горести. Одинъ злодѣй разрушилъ семейственное счастье наше, отторгъ меня отъ дражайшихъ родителей, извлекъ изъ среды моего опечества. Мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и я почиался уже ученѣйшимъ юношею изъ всего нашего Королевства. — Отецъ и мать любили меня съ родительскою горячностью, равнымъ образомъ и я плащилъ имъ взаимною нѣжностью; но вдругъ роковая минута приблизилась. Однажды случилось мнѣ быть въ саду: кромѣ меня никого въ ономъ не было; вдругъ

вижу, что небо начало темнѣть, ужасный вихрь пошрясалъ до основанія столѣтнія деревья, а нѣкошорыя выривалъ вонъ съ корнемъ. Думая, что будешь сильная гроза, спѣшу вонъ изъ саду; но спустившійся предо мною необыкновенной величины орелъ заградилъ пушь мой; онъ въ одну минушу превратившись въ звѣрообразное чудовище, заревелъ свирѣлымъ голосомъ: „Спой, негодный мальчишка! ты мнѣ дорого заплашишь за дружбу швоихъ гнусныхъ родителей, къ непримиримому врагу моему. Они узнаюшъ, что Моргабъ шупишь не любишь.“ Сказавши сіе, произноситъ неизвѣстные слова и шреплешъ меня по плечу, ошъ чего я въ одну минушу превращаюсь въ крыланую лошадь.

Моргабъ не медля ни мало садился на меня и ударяетъ находящимся въ рукахъ его хлыстикомъ. Чувствуя опть сего удара неносную боль, разправляю свои крылья и поднимаюсь на воздухъ. — Не могу вамъ описатьъ того мученія, какое я чувствовалъ лешъвши съ проклятымъ Моргабомъ, копорый безпрестанно билъ меня хлыстикомъ: кровь лилась ручьями изъ боковъ моихъ. Наконецъ я привезъ его въ сей замокъ; онъ пошчасъ соскочилъ съ меня, а я не могши опть побоевъ и усталости споятъ на ногахъ, упалъ безъ памяти на полъ. Едва я почувствовался, какъ увидѣлъ, что былъ прикованъ цѣпью къ каменному столбу; два ужасные исполина стояли по споронамъ и держали по пучку палокъ, копо-

рыми начали бить меня безъ милосердія. Я оняшь лишился чувствъ, и не зналъ, живу или уже лишился жизни. Пришедши въ себя, увидѣлъ предъ собою стоящаго Моргаба: злобная радость начерпана была на звѣрскомъ лицѣ его. Посмотрѣвъ на меня нѣсколько времени, произнесъ онъ слѣдующее. „Ненавистное опродіе проклятаго поколѣнія! прими на себя видъ опрашительнѣйшаго крокодила, не теряя впрочемъ ни одной изъ способностей человѣческихъ, дабы шѣмъ болѣе могъ ты чувствовать свою участь и положеніе; оснавайся въ семъ положеніи дополъ, доколѣ одна дѣвица, обладающая водными духами и всѣми рыбами, добровольно согласится за тебя выдти, не взирая на

твою безобразную и чудовищную наружность.“ Сказавши сіе, онъ плюнулъ мнѣ въ лице и исчезъ, а я превратился въ крокодила и съ мучительною горестію ожидалъ окончанія моихъ несчастій. Вашъ родитель чрезъ годъ явился ко мнѣ, уговаривая терпѣливо сносить бѣдственную участь мою. Онъ извѣстилъ меня, что мои родители, лишившись меня, ошъ горести и опчаянія въ скоромъ времени скончались, а Королевство Бенгальское перешло въ руки перваго Министра, потому что родъ нашъ пресѣкъся. — „Сефаръ! сказалъ онъ ославляя меня, будь твердъ и мужественъ въ несчастіяхъ; я просилъ Гименя: сей Богъ внялъ моему моленію, и принялъ тебя подъ свое покровительство; моя меньшая дочь Ами-

на разрушитьъ свое очарованіе. Я твердо увѣренъ, что вы будете съ нею счастливы. Прощай, сынъ мой.“ Кончивши слова сіи, онъ исчезаетъ. Наконецъ приближилось время моего избавленія, и вмѣстѣ окончанія бѣдствій; вы являетесь, и я теперь счастливѣйшій человекъ изъ смертныхъ!“

Принцъ Сефаръ кончивши свое повѣствованіе, бросаешья въ объятія Амины и прижимаешь ее къ своему сердцу. Послѣ сего всѣ шрое пошли въ столовую, въ которой ожидалъ ихъ вкусный и богатѣйшій обѣдъ. Когда они сѣли за столъ, вдругъ загремѣла огромнѣйшая музыка. По окончаніи обѣда удалились въ садъ и пробыли въ ономъ до самаго вечера. Такимъ образомъ цѣлые два мѣсяца продолжались различныя весело-

ещи; послѣ сего Заида, проспившись съ Сефаромъ и Аминою, отправилась къ своему супругу, котораго нашла въ печали и уныніи. При появленіи Заиды Зороаспръ нѣсколько успокоился. „Насилу я тебя дождался, любезная супруга. Ты, я думаю, совсемъ меня забыла: два мѣсяца, проведенные мною безъ тебя, показались мнѣ за два безконечные вѣка.“

„Проси меня, любезнѣйшій Зороаспръ, что я столь долго замѣшкалась: усиленные просьбы Амины и ея мужа, прошивъ воли удерживали меня у нихъ. Скажи же, мой милой, присовокупила она, нѣшъ ли чего новаго?“— „Очень довольно, отвѣчалъ ей Зороаспръ. Мѣсяца полшора тому назадъ былъ я у Хозроя; онъ еіце возложилъ на меня комиссію.“— „Какую?“— спро-

сила Заида. — „Онъ просилъ меня достать такую коробочку, въ кошорой бы находились вода, огонь, воздухъ и земля, и при томъ, чшо бы всѣ сіи вещи находились вмѣстѣ и не смѣшивались между собою; онъ далъ мнѣ на сіе сроку при мѣсяца.“ — Заида, надѣясь на силу своего перстня, тотчасъ призываетъ духа Позвизда и приказываетъ ему достать такую коробочку. „Могущественная обладательница брилліантоваго перстня! Царица духовъ воздушныхъ и повелительница птицъ! освѣчаетъ ей Позвиздъ, — достать сію коробочку не возможно.“ — „Почему же это, спросила его Заида?“ „Причина сему та, чшо вода, огонь, воздухъ и земля не могутъ не смѣшаться находясь вмѣстѣ. Воспрепятствовать сему смѣшенію

могутъ духи, обитающіе въ водахъ, огнѣ, воздухѣ и на землѣ; но какой изъ сихъ духовъ захочетъ добровольно заключить себя въ шѣсной коробочкѣ для прихопи человѣческой? — Заида услышавши сіе задумалась; она рѣшилась призвать къ себѣ всѣхъ духовъ, которые по ея мановенію предспали предъ нею; она имъ объявила шоже, что и Позвизду. — „Нѣшъ! нѣшъ! этаго не возможно, воскликнули духи въ одинъ голосъ; мы повинujemy свободно, и не желаемъ бытъ заключены въ шѣсныхъ предѣлахъ неволи.“ — „Что же мнѣ дѣлать? чѣмъ же я могу отвратишь неминуемую смерть моего дражайшаго супруга, безъ коего я жить не могу?“ — „Выслушай меня покорнаго раба швоего, сказалъ ей духъ Позвиздъ.“ — „Ну

хорошо, говори.“— „Коммиссiи, возлагаемая на Зороаспра Хозроемъ, были не самимъ имъ выдумываемы: онѣ производимы были по наущенiю Зердуспа, сильнаго чародѣя и повелишеля злыхъ духовъ, брата Моргабова, который былъ непримиримый врагъ покойному вашему родителю. Зердустъ поклялся брату своему при концѣ его жизни погубить тебя, Фалиму и Амину; онѣ воображалъ, что ты непременно при содѣйствiи своихъ сестеръ заставишь доспать помянутую коробку дабы спасти жизнь своего супруга, и когда бы ты непременно въ семь часовъ а не принимая никакихъ резоновъ, по всѣмъ духи, взбунтовавшись, опали бы опъ тебя и сестеръ своихъ, оставя всѣхъ троихъ во власни

злобнаго Зердуста; но теперь онъ самъ попалъ въ свои сѣни и неминуемо долженъ погибнуть. Такъ ли соповарищи и други? продолжалъ онъ оборотясь къ прочимъ духамъ. “—, Такъ! такъ! произнесли всѣ въ одинъ голосъ. Смерть и казнь гнусному Зердусту; война и вражда прошиву духовъ злобы!” Заида махнула рукою и все собраніе духовъ замолкло. „Какимъ же образомъ должно поступить въ семъ случаѣ?” — Позвиздъ опять выступая на средину и говоритъ: „Могущественная Заида! призови къ себѣ на помощь сесперъ своихъ, и спупай съ ними въ степи Африканскія къ жилищу Зердустову. Какъ скоро вы начнете приближаться къ его замку, онъ самъ выступитъ къ вамъ на встрѣчу и съ яростию

бросится на васъ; но вы нимало сего не успрашайшесь, только берегитесь сражаться съ нимъ въ собственномъ своемъ видѣ: вы можете помощію своихъ перспней принимашь различныя виды, но для васъ ни чего не стоить окружить его со всѣхъ сторонъ въ образѣ прехъ разнородныхъ живописныхъ; когда онъ начнешь съ вами бой, мы вступимъ въ сраженіе съ духами злобы.“—Заида, выслушавши отъ Позвизда сіи слова, повелѣла удалиться всѣмъ духамъ, а Позвизду назначила опиравшись къ сестрамъ своимъ и пригласить оныхъ къ себѣ. Черезъ нѣсколько времени прибыли къ Заидѣ Фашима и Амина. „Любезныя сестрицы! начала говорить Заида, намъ предстоитъ шрудный под-

вигъ: мы должны вступитъ въ сраженіе съ Зердуспомъ, брашомъ общаго врага нашего. Моргаба; онъ поклялся брату своему при его смерти погубитъ насъ, что легко бы исполнилъ, если бы я не приняла совѣта одного подвластнаго мнѣ духа.“— Тупъ она рассказала все случившееся со времени прибытія ее ошъ Амины.— „Итакъ, мои милыя, продолжала Заида, не допустимъ злобному Зердусту торжесшвовашъ надъ нами.“— „Такъ шочно, сестрица, ошвѣчали ей обѣ сестры, пресѣчемъ жизнь Зердустову и очистимъ землю ошъ сего злодѣя.“ Чрезъ нѣсколько дней при сестры извѣсшили духовъ, имъ подвластныхъ, что онѣ скоро вступятъ въ сраженіе съ Зердустомъ, и повелѣли бытъ имъ въ гошовности.

Заида, Фашима и Амина, проспясь съ Зороаспромъ, отправились въ степи Африканскія къ жилищу Зердустову: духи воздушные, земные и водные слѣдовали за ними, пригласивши съ собою духовъ огненныхъ; каждое опдѣленіе оныхъ несло съ собою личное оружіе для прошивоборспвованія: духи воздушные имѣли въ запасѣ вихри, бури и разишельный умерщвляющій воздухъ; земные несли цѣлыя горы и величайшіе камни; водные цѣлыя рѣки и водяные сполбы, а огненные всепоядающій пламень. Едва при сеспры начали приближашься къ замку Зердустову, какъ увидѣли его самаго лепящаго въ видѣ трехглаваго огненнаго дракона. Заида въ одну минушу превращаешя въ величайшаго

орла, Фашима въ свирѣпаго тигра, а Амина въ ужаснаго крокодила, и не говоря ни слова, съ яростію на него бросающся. Орель своими когшями и носомъ, тигръ своими лапами, а крокодилъ острыми зубами наносили глубокія раны Зердуспу, который съ оспервененіемъ бросался то на шу, то на другую сестру, изрыгая сильный пламень. Духи чепырехъ спихій, видя начавшееся сраженіе, бросились на духовъ злобы. Какое ужасное зрѣлище! Воздухъ, земля, вода и огонь обрушились на помощниковъ и подданныхъ Зердуспа; ужасные вихри и вѣтры разносили оныхъ въ разныя стороны; цѣлыя горы земли и каменье въ засыпали оныхъ; вода съ стремленіемъ и съ шумомъ пошопляла цѣлыя тысячи;

сильный и всепожирающій пла-
 мень жегъ ихъ безъ милосердія.
 Лишь только злобные духи оп-
 разятъ нападеніе, духи четырехъ
 стихій съ новою силою и яро-
 стію нападуть на нихъ. Зер-
 дуспъ, чувствуя превосходство
 своихъ соперницъ и ослабъвая
 опъ множесхва изпекшей крови,
 обращается въ огромнаго змѣя
 и обвившись вокругъ Фашимы,
 жметъ ее съ великою силою. Хотя
 Заида въ видѣ орла и Амина въ
 видѣ крокодила рвутъ его и шер-
 заютъ, но онъ оспается при
 прежнемъ положеніи и давитъ
 шигра съ большею яростію. Фа-
 шима, видя невыгоду своего поло-
 женія, употребляетъ хитрость:
 превратившись въ жука, осво-
 бождается опъ Зердуспа, и при-
 нявъ образъ шараншулы, впол-

заешь во внутренность змѣя. Злобный чародѣй, чувствуя внутри неносную боль и дѣйствіе яда отъ укушенія шарангулы, испускаешь пронзительный крикъ и стараешься выблевать ядовитое насѣкомое; между шѣмъ Заида и Амина, одна въ видѣ коршуна, а другая въ видѣ морской собаки; не перестаютъ шерзатъ шѣло его; наконецъ онъ рѣшается на послѣднее средство: въ одну минуту прогрызаетъ свое брюхо и хватаетъ Фашиму своимъ зевомъ; но она въ одно мгновеніе ока превращаясь въ леопарда, когтями разрываетъ на части Зердусна. Симъ самымъ кончилось сраженіе трехъ сестеръ съ злобнымъ Африканскимъ чародѣемъ. Злобные духи, видя начальника своего лишеннаго жизни, разсѣваются

въ разныя спороны., Побѣда! побѣда! воскликнули духи чешыръхъ спихій; слава Заидъ, Фапимъ и Аминъ, побѣдительницамъ злобнаго и гнуснаго Зердусша! Содруги и шоварици увѣнчаемъ ихъ!“— Топчасъ, окруживши шрехъ сесперъ, возложили на главы ихъ блиспающіе и драгоцѣннѣйшія короны и съ шріумфомъ провожали до самага Королевства Персидскаго.

Три сестры, вступа въ столичной городъ, увидѣли, что народъ толпами бѣжалъ на городскую площадь. Заида съ поспѣшностію спрашиваетъ: „Какая сему причина, что всѣ бѣгутъ къ городской публичной площади?“— „Нынѣ, опвѣчала ей одна старуха, будупъ казнишь молодаго Зороастра, сына перваго Минисшра Мазуда.“ Заида,

услышавши сіе, лишається чувствъ; Фашима и Амина бросаюшся къ ней на помощь и спараюшся привести въ память. Когда она при помощи сестеръ своихъ пришла въ чувство, то онѣ говорятъ ей, что не надобно терять ни мало времени, и какъ можно поспѣшить на спасеніе Зороастра. Въ одну минуту при сестры спремаяшся къ мѣсту казни и видяшъ, что Зороастръ съ завязанными глазами уже стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, а палачъ ожидалъ только знаку, чтобы отдѣлить голову отъ туловища. Заида призываетъ Позвизда и приказываетъ ему, похитя Зороастра, перенести съ оспороженостію въ домъ ея, что онѣ съ величайшимъ проворствомъ исполняютъ. Народъ пришелъ въ

сильное изумленіе, увидя что сынъ Министра пропалъ неизвѣстно куда; но кто можешъ описать волненіе и ужасъ зрителией, когда они увидѣли ворвавшихся въ средину ихъ люшаго льва и крокодила? Всякой бѣжалъ самъ не зная куда, давя и шѣсня другъ друга. Не прошло пяти минутъ, площадь очистилась отъ народа. Фашима съ Аминою, принявъ оныя прежній видъ, присоединились къ Заидъ, и отправившись всѣ шрое къ дому Заиды. Прибывши туда, Заида первая бросилась въ комнату своего мужа и нашла его лежащаго на постели, а Позвизда стоящаго подлѣ него. Спрахъ, произшедшій отъ близкой смерти и неожиданное быстрое избавленіе, потрясли чувства Зороаспровы: онъ не могъ сего вынести и впалъ

въ нѣкоторый родъ ослабленія. „Зороаспръ! любезный Зороаспръ! супругъ мой! воскликнула Заида, бросаясь къ нему и заключаая его въ свои объятія; ны мнѣ возвращень, и я забываю всѣ горести. Будь увѣренъ, что огньныя всѣ непріятности кончились: нашъ общій врагъ погибъ злою смертію.“ Зороаспръ, увидя Заиду и чувствуя ея объятія, вскакиваетъ съ поспешіемъ и прижимаетъ ее къ своему сердцу. Фашима съ Аминуою входящъ къ двумъ супругамъ и раздѣляющъ ихъ восторги. Потомъ Заида спросила своего мужа, какимъ образомъ онъ лишился было жизни. „Едва только вы отправились на сраженіе съ злодѣемъ Зердустомъ, началъ Зороаспръ, какъ пришелъ за мною посланный отъ Хозроя; я ни мало

не медля послѣдовалъ за нимъ и предсталъ предъ Государя Персидскаго „Зороаспръ! сказалъ онъ мнѣ, три мѣсяца прошли: доспалъ ли ты коробочку?“— „Никакъ нѣтъ Ваше Величество.“— „А когда шакъ, ошвѣчалъ Хозрой, шо гошовъся на смерть , какъ ослушникъ Царскаго повелѣнія ,“и не говоря болѣе со мною ни слова, приказалъ вести на мѣсто казни. Вопъ все, что происходило въ ошущеніе ваше.“ Когда кончилъ Зороаспръ, шо Позвиздъ, подслушя къ Заидѣ, просилъ у нее позволенія левѣшь къ Хозрою и нѣсколько поспращанъ его; она согласилась на сіе и Позвиздъ въ одну минушу исчезъ.

Хозрой , видя неудачу въ своихъ предпріяніяхъ, находится въ сильной досадѣ и гнѣвѣ. Онъ удался въ самую отдаленную часнь

своего дворца и сидѣлъ съ задумчивоспю наклопя внизъ свою голову: вдругъ слышишь близъ себя шорохъ ; оглянувшись увидѣлъ стоящаго предъ собою ужаснаго Исполина. „Хозрой ! заревель гиганшь громовымъ голосомъ, швои гнусные поступки навлекаюшь на тебя гнѣвъ и наказаніе Боговъ; что сдѣлалъ тебѣ Зороаспръ, кошораго ты хойтѣлъ лишить жизни? Злобный и гнусный швой совѣшникъ, прокляшый Зердуспъ, лежишь шеперь безъ дыханія среди степей Африканскихъ. Если ты не оставишь своей злобы и ненависти прошивъ невиннаго Зороаспра, то скоро соединишься съ своимъ негоднымъ другомъ.“

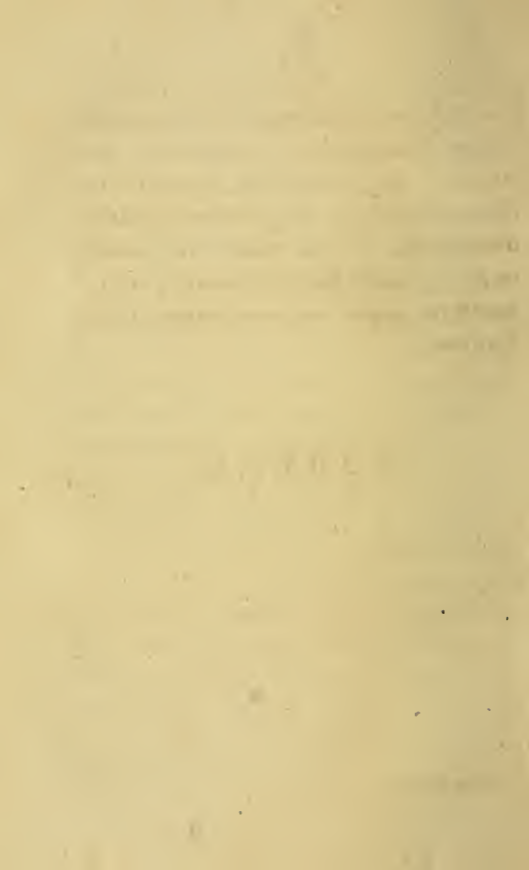
Царь Персидскій при видѣ Исполина и слыша его угрозы, съ шрепешомъ падаетъ предъ нимъ на

колѣни и клянешся оставить Зо-роаспра и Заиду въ покоѣ, и ги-ганшъ въ одно мгновеніе ока ис-чезаешъ.

Дозвиздъ возвращается къ своей повелипельницѣ и объявляешъ ей о своемъ посольствѣ. Фашима и Амина, пробывши у сеспры своей двѣ недѣли, онправились къ мужьямъ своимъ. Заида, не желая бо-лѣ оставаться жить въ Персіи, призываешъ подвасныхъ ду-ховъ своихъ и повелѣваешъ имъ соорудить огромный и велико-лѣпный замокъ въ счастливой Аравіи, куда съ Зороаспромъ и Мазудомъ, онцемъ его, онправи-лась. Всѣ они жили счастливо и благополучно и достигли глубокой старости. Заида родила Зоро-аспру двухъ сыновей и одну дочь неописанной красоты, кошорая

послѣ вышла замужъ за большаго сына Фашимы, а сыновья женились на дочеряхъ Амины. По смерти Заиды персень бриллианшовый, а съ нимъ и власть надъ духами воздушными и пшицами перешла къ старшему сыну Заиды.

К О Н Е Ц Ъ.

С К А З К А

о

НАГРАЖДЕННОЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

С К А З К А

О

НАГРАЖДЕННОЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Близъ одного небольшого городка въ бѣдной хижинѣ жилъ дровосѣкъ, по имени Оспанъ; семейство его составляли жена и двѣ дочери, изъ коихъ старшая называлась Гориславою, а младшая Милоликою; обѣ онѣ были прекрасны, но характеръ имѣли различный: Горислава была вспыльчива, сердита, неперпѣлива и зависплива; напрошивъ Милолика имѣла крошкое сердце, тихій нравъ, была чувствительна и уступчива; въ черныхъ огненныхъ глазахъ Гориславы видны были сильныя спраши и пламенныя

желанія, но небесноглубые очи Милолики показывали чистоту и невинность души ея; когда какая нибудь непріятность возмущала душу Гориславы, то лице ея принимало угрюмый видъ и довольно обнаруживало состояніе ея сердца; напрошивъ на кропкомъ, всегда улыбающемся и опкрыпомъ лицѣ Милолики не видно было никакой перемѣны, попому что сердце ея находилось всегда въ одинаковомъ спокойномъ положеніи. Впрочемъ обѣ сеспры жили согласно и дружелюбно, попому что уступчивый и мягкій характеръ Милолики обезоруживалъ вспыльчивость и гнѣвъ Гориславы; родителей своихъ онѣ любили весьма нѣжно и опъ нихъ взаимно были любимы. Все содержаніе сего семѣйсва состояло въ

помъ, что Оспанъ ходилъ въ ближайшій лѣсъ, и нарубивъ дровъ, носилъ ихъ продавашь въ городъ. Хошя они имѣли скудное содержаніе, но жили покойно и весело; ешо происходило ошъ того, что они, будучи довольны малымъ, не желали большаго; свѣжее лице и румяныя щеки дочерей дровосѣка довольно доказывали ихъ здоровье и спокойную жизнь.

Однажды вечеромъ все семейство сидѣло вокругъ огня и занималось разговорами о духахъ, привидѣніяхъ, волшебницахъ и шому подобномъ. „А что, Милолика, сказалъ Оспанъ, если бы шеперь явился какой нибудь духъ, испугалась бы шы или нѣтъ?“— „Ошъ чего испугаться, бапюшка?“— „Какъ ошъ чего, глупенькая? вѣдь духи бываютъ различ-

ные: одни добрые, а другіе злые, одни спараюшя дѣлать добро, а другіе приносятъ съ собою одни несчастія.“— „О бапюшка! я и не думала о злыхъ духахъ; на что мнѣ ихъ? я съ злыми и людьми боюсь бытъ вмѣспѣ, а не только съ духами.“— „Что у васъ за разговоры? объ духахъ, привидѣніяхъ, да объ волшебницахъ, сказала жена дровосѣку: меня морозъ по кожѣ подираетъ.“— „Полно жена, отвѣчалъ ей Оспанъ; что у тебя за страхъ? ешо не хорошо; спрашиться надо шому, у кого совѣсть не чиста, а мы живемъ никого не обижая, ни кому не дѣлаемъ зла, шакъ чего намъ бояться?“ — Въ сіе самое время что-то посшучался шихонько въ дверь и все семѣйство вздрогнуло; объ дѣвицы прижались въ уголь,

а мать ихъ чинила про себя мо-
лишвы; одинъ дровосѣкъ съ спо-
койствіемъ духа подошедъ къ
двери и отворивъ оную, увидѣлъ
съ изумленіемъ прекраснаго мо-
лодаго Рыцаря въ лапахъ зеле-
наго цвѣша; на шлемъ его развѣ-
вались розовыя перья; копье во-
роненой спали находилось въ его
правой рукѣ.— „Что вамъ угодно,
господинъ Рыцарь?“ спросилъ его
Оспанъ.— „Ночлега, отшѣчалъ не-
знакомецъ весьма пріяпнымъ го-
лосомъ. Я заблудился въ здѣшнемъ
лѣсу; лошадь моя пала; примѣшивъ
издали въ здѣшней споронѣ огонь,
пришелъ сюда. Не зная куда идти,
прошу тебя, добрый хозяинъ, при-
няшь меня подъ свой кровъ.“ —
„Съ охошою, господинъ Рыцарь,
съ охошою. Мы ради добрымъ
людямъ, отшѣчалъ ему добродуш-

ный дровосѣкъ вводя его въ хижину. Впрочемъ не прогнѣвайшесь, у бѣднаго Оспана, кромѣ теплой комнашы, кружки свѣжаго молока, сыра, яиць и хлѣба, вы ничего не найдете.“ — „Благодарю, тысящекратно благодарю тебя добрый человекъ за швое искреннее желаніе; для меня ни чего не нужно, кромѣ швоей комнашы.“ Юный Рыцарь войдя, скинулъ съ себя шлемъ — и шемнорусыя кудри разсыпались по плечамъ его; онъ въ одну минушу окинулъ быспрымъ орлинымъ взоромъ всю хижину. „Ешо конечно швоя жена и дѣши, любезный хозяинъ? спросилъ Рыцарь Оспана, успремивъ свои пламенные глаза на Гориславу и Милолику, кошорыя, сильно за краснѣвши, пошупили взоры свои.“ — „Такъ, Милоспивый Го-

сударь! опвѣчалъ ему дровосѣкъ.“
 „Счастливыи ты отецъ: твои
 дочери совершенныя красавицы.
 Думалъ ли я, что въ сей хижинѣ
 найду столько прелестней?“— „И!
 полноше, Милоспивый Государь,
 опвѣчалъ ему Оспанъ, вы много
 льспише.“— „Нѣтъ! клянусь Ры-
 царскою честнiю, что говорю прав-
 ду: Рыцарь Мирославъ никогда не
 лжешъ. Да позволъ спросишь, хо-
 зяинъ, какъ тебя зовушь? —
 „Оспаномъ, господинъ Рыцарь.“—
 „Ну, любезный Оспанъ, укажи же
 мнѣ какую нибудь комнашу, гдѣ бы
 я могъ сняшь мои доспѣхи.“ —
 „Извольше, съ охопою,“ — и не
 медля ни мало повелъ Мирослава
 въ особливую комнашу. Горислава
 и Милолика слѣдовали глазами за
 прекраснымъ юношею, и у обѣихъ
 вдругъ вырвалось по вздоху. Какъ

онъ прелестень! какъ живъ! думала Горислава, и снѣдающій пламень разливался по всему ея тѣлу; всѣ жилки ея напряглись опъ сильнаго жару. — Какое милое добросердечіе! какая ангельская откровенность изображены на лицѣ его! воображала Милолика—и ея сердце, доселѣ спокойное, сильно пренешало и билось. Спусти нѣсколько минутъ прекрасный Рыцарь опящъ являешся въ общую комнапу, въ сопровожденіи Оспана, копорый несъ за нимъ бушылку съ виномъ. „Нушка, любезный хозяинъ, давай выпьемъ съ шобою моего дорожнаго винца. Я уже тебѣ сказывалъ, что люблю бытъ веселымъ: я всю жизнь свою провелъ не чувствуя печали и не зная, какое она имѣетъ дѣйствіе надъ сердцемъ. Да что го-

ворить пустое, давай-ка выпьемъ.“
 „Очень хорошо, господинъ Рыцарь. Милолика! сказалъ Оспанъ своей дочери, подай-ка намъ бокаль, изъ кошораго я пью въ день рожденія вашей мащери.“ — Милолика съ примѣшнымъ смущеніемъ подошла къ шкапу, и вынувши изъ онаго бокаль, дрожащими руками подала опцу своему. — „Поспой, поспой! сказалъ ей Оспанъ наливая изъ бушылки вина, возми-ка и подноси господину Рыцарю.“ Милолика, повинувась опцу своему, беретъ бокаль, и съ пошупленными взорами подноситъ Рыцарю. „За здравіе добродушія и красоты! воскликнулъ Мирославъ, и осушилъ весь до дна.“ — „Браво! господинъ Рыцарь, браво! вскричалъ Оспанъ съ приятною добродушною улыбкою; я люблю веселыхъ лю-

дей.“—Ошдавая Милоликъ бокаль, Мирославъ взглянулъ на нее, она на него: взоры ихъ вспрѣшились.— У Милолики едва не выпалъ изъ рукъ бокаль, а у Рыцаря все лице покрылось яркимъ румянцемъ, и легкій едва примѣпный вздохъ вылетѣлъ изъ груди его. — „За здравіе любезнаго, дорогаго гостя!“ сказалъ Оспанъ, наливши бокаль, и однимъ разомъ выпилъ весь до дна.— „Благодарю, хозяинъ, благодарю за доброе швое желаніе; но мнѣ хочешся знашь, при- совокупилъ онъ, всѣ ли здѣсь желающъ Мирославу добраго здравія?“ Кончивши сіе, смотрѣлъ украдкою на Милолику, взоры которой показывали ему болѣе, нежели желаніе добраго здравія. — „Какъ не желашъ вамъ сего, ошвѣчала ему жена Оспанова: мы

видимъ, что вы человекъ доброй.“
 „И прекрасный,“ сказали про себя
 Горислава и Милолика. — „Гос-
 подинъ Рыцарь! сказалъ Оспанъ
 развеселясь опъ вина Миросла-
 вова, прошу не прогнѣвайтесь на
 мою дерзость: я хошѣлъ было
 просить васъ.“ — „Объ чѣмъ?“ —
 „Слыхалъ я, что Рыцари не толь-
 ко умѣютъ сражаться, но также
 великіе мастера пѣть прекрасныя
 пѣсни.“ — „А! понимаю: тебѣ хо-
 чется, чтобы я спѣлъ какую ни-
 будь пѣсенку? Изволь, съ охопою,
 другъ мой, съ охопою.“ И не
 ожидая повторенія просьбы, за-
 пѣлъ чистымъ и яснымъ голосомъ
 слѣдующаго содержанія пѣсню:

ПѢСНЯ МОЛОДАГО РЫЦАРЯ.

Съ свободнымъ сердцемъ и душою,
 Не возмущая сильно кровь,

Доволенъ былъ своей судьбою,
Лишь зналъ по имени — любовь.

* *
*

На всѣхъ турнирахъ, гдѣ сражался,
Зрѣлъ милы взгляды, черну бровь;
Но красотою не прельщался,
Лишь зналъ по имени — любовь.

* *
*

Вертясь въ толпѣ дѣвицъ прекрасныхъ,
Не говорилъ имъ нѣжныхъ словъ,
И взглядовъ не бросалъ я спраспныхъ,
Лишь зналъ по имени — любовь.

* *
*

Моя ушѣха — конь репивый:
Скачу на немъ чрезъ доль и ровъ.
Такъ дни шекли мои счастливы!
Лишь зналъ по имени — любовь.

* *
*

Но вдругъ душа моя плѣнилась
 И закипѣла сильно кровь;
 Мнѣ въ сердце искра заронилась,
 И я позналъ — что есть любовь!

Такъ пѣлъ юный Мирославъ, и
 взоры его при пѣніи послѣдняго
 куплеша успремлены были на Ми-
 лолику. По окончаніи пѣсни онъ
 погрузился въ задумчивость, но
 вдругъ какъ бы проснувшись опъ
 глубокаго сна, вскочилъ, прошелъ
 нѣсколько разъ по комнащѣ и
 опять сѣлъ на свое мѣсто.— „Ахъ!
 господинъ Рыцарь, еша пѣсня,
 кажешся, распроила нѣсколько
 ваше веселье.“ — „Такъ точно!
 любезный Оспанъ; прежде я ее
 пѣвалъ ничего не чувспвуя; но съ
 нѣкошораго времени, продолжалъ
 онъ глядя на Милолику, она меня
 приводищъ въ сильное движеніе,
 а особливо послѣдній куплешъ.“

„Гмъ! странно, очень странно! говорилъ Оспанъ качая головою; а опъ чего бы ешо происходило, Милоспивый Государь?“ — При семь дровосѣковомъ вопросѣ, примѣшно было сильное движеніе обѣихъ дочерей его. — „Ешо моя шайна, опвѣчалъ Мирославъ.“ — „А когда шакъ, по извинише меня, господинъ Рыцарь, что я осмѣлился безпокоишь васъ; однако по пословицѣ, соловья баснями не кормяшъ, продолжалъ Оспанъ. Ей, жена! дѣши! накрывайте-ка на споль; я думаю нашъ доброй госпъ голодень, да и мнѣ самому, признашся, хочеться чего-нибудь перехватишь.“ — Въ одну минушу хозяйка при помощи своихъ дочерей накрывала на споль и поставила на оный все, что шолько у нихъ находилось. Когда всѣ заняли мѣ-

сипа, по Мирославу пришлось сидѣшь пропивъ Милолики, и его взоры почти ни на минушу не совращались съ нее, развѣ когда нужно было опвѣчать что нибудь словохотливому Оспану, котораго вино Мирослава сдѣлало еще разговорчивѣе. Какъ же теперь описать смущеніе Милолики? Она находилась въ мучительномъ безнокойствѣ: по краснѣла, по бледнѣла, и сидѣла пошупивши глаза, ибо когда ихъ поднимала, по всегда встрѣчала пламенные взоры Рыцаря, которые опнимали у нее послѣднее присушествіе духа. Горислава, съ самага начала появленія Рыцаря все замѣчавшая, и видѣвшая очень ясно, что происходило въ сердцахъ ея сестры и юнаго Мирослава, перзалась внутренно; зависпъ, что

Мирославъ предпочишаетъ ей сестру ея, ревность, что онъ кажется не равнодушень къ Милоликѣ, разрывали на части ея пылкое сердце, и сіе шѣмъ для нее было мучительнѣе, что она еще въ первый разъ почувствовала власть любви; будучи горяча, пылка, спремительна, она шѣмъ болѣе чувствовала огонь любви, который снѣдалъ, пожиралъ ея сердце; — и какое адское для сей пламенной дѣвушки мученіе! ея любви, ясно пылающей въ ея черныхъ огненныхъ глазахъ, не замѣчали, и не хотѣли замѣпить! По окончаніи ужина Рыцарь, проспившись со всѣмъ семействомъ до слѣдующаго утра, удалился въ назначенную ему комнату. Семейство дровосѣка, поговоривъ нѣсколько о прекрасномъ

Рыцарь, также удалилось въ разныя комнашы.

На другой день по утру дрово-сѣкъ открываетъ глаза и поражается удивленіемъ. Онъ видитъ, что лежитъ на мягкой и богатой постелѣ; вмѣсто скудной спальни представляется ему комнаша, хотя не великолѣпная, но чистая, пространныя и со вкусомъ убранная. Онъ думаетъ, что видитъ это во снѣ и протираетъ глаза; потомъ увѣрившись совершенно, что это не сонъ, будитъ жену свою, которая, проснувшись, также удивляется нечаянной перемѣнѣ. Они съ поспѣшностію вскакиваютъ, одѣваются и выходятъ вонъ изъ спальни. Новое для нихъ удивленіе! бѣдная ихъ хижина въ одну ночь обратилась

въ пространный и прекрасный домъ съ порядочнымъ садомъ и другими принадлежностями; въ гардеробъ находилось довольное количество плашья, какъ для нихъ, такъ и для дочерей ихъ; прекрасная, хошя небогатая мебель, разспавлена была въ порядкѣ по всѣмъ комнашамъ; въ кухнѣ находилась съ изобиліемъ чистая и еще новая посуда; въ погребѣ было большое количество вина и всякаго домашняго запасу; анбары наполнены были хлѣбомъ; на пространнымъ скопномъ дворѣ гуляли прекрасныя коровы и овцы; въ конюшнѣ стояли двѣ лошади; а въ шкапулкѣ, стоящей на столѣ возлѣ кровати Оспановой, блистало чистое золото, на верху котораго лежала слѣдующая записка: „Сіе золото и весь домъ

принадлежащъ добродушному Оспану въ награду за его добродѣтели.“

„Рыцарь Мирославъ.“

Едва дровосѣкъ прочишалъ записку, какъ въ шужъ минушу вбѣгають обѣ его дочери, на лицахъ копорыхъ написано было величайшее удивленіе. „Бапюшка! что значить сія необыкновенная перемѣна?“ спросили онѣ опца своего въ одинъ голосъ. — „Я и самъ дивлюсь сему, опвѣчалъ имъ Оспанъ.“ — „Посмотрите, бапюшка, продолжала Милолика, какую прекраснѣйшую леніпу нашла я возлѣ своей кровати и еще какую-то записочку. Возьмите, прочтите ее.“ — Оспанъ не медля ни мало беретъ записку,

развершываетъ , и находишь въ оной слѣдующія слова :

Дражайшая Милолика!

„Твои прелести , швоя милая ангельская кропосшь , ясно изображенныя на лицѣ швоемъ , плѣнили меня совершенно. До сихъ поръ сердце мое было спокойно; но едва я шебя узрѣлъ , оно сильно забилося , кровь моя взволновалась , всѣ мои чувспва приняли совсемъ другой оборотъ ; ты шеперь одна въ моемъ сердцѣ и ешь и будешь на вѣки. Если я шакъ шчаспливъ , что и ты , подобно мнѣ , раздѣляешь мои чувспва , шю за очно называю шебя моею дражайшею супругою , и никакая человѣческая сила не можетъ разрушить сіе. Извѣспя о семъ своего родителя , я надѣюсь ,

что онъ согласился назвать своимъ зятемъ Рыцаря Мирослава, имѣющаго добрую душу и откровенное сердце, что я цѣню выше всѣхъ сокровищъ; скажи ему, любезнѣйшая Милолика, чтобы онъ не удивлялся столь скорому превращенію своего жилища, и чтобы не спарался узнавать и любопытствовать, какою силою и какимъ могуществомъ я произвелъ оное: время и обстоятельства все открываютъ. Храни, любезная, ленгу, мною тебѣ подаренную, и по прочтеніи сей записки перепояшь ею свою прекрасную палію: отъ сей ленги зависишь твое счастье, счастье обожаемаго тебя Мирослава, счастье всего твоего семейства. Прощай, любезная Милолика! скоро придетъ время, въ которое я

съ побою увижусь для того, чтобы никогда не разлучаться.

Вѣчно тебя обожающій

Мирославъ.“

Когда Оспанъ прочиталъ записку, то все его семейство опъ удивленія не могло произнеши ни одного слова: всѣ молчали; однако сіе молчаніе говорило больше языка, ибо всякой изъ нихъ чувствовалъ различное: Оспанъ и его жена удивлялись, недоумѣвали и не знали, что о семъ подумашь; Горислава прешерпѣвала несносное мученіе: она ясно увидѣла, что прелестный Мирославъ потерялъ для нее на вѣки, и рѣшилась, во чтобы то ни стало, разрушить счастье двухъ любов-

никовъ, а если можно — погубишь сестру свою и Рыцаря. Милолика при чтеніи Мирославовой записки едва могла держаться на ногахъ; сердце ея споль сильно билось, что она съ трудомъ переводила дыханіе. „Какъ! онъ меня любишь? размышляла она сама съ собою. О любезный Мирославъ! посвящаю тебѣ всю жизнь свою; каждый вздохъ сердца моего опъ нынѣ принадлежишь тебѣ.“ Не медля ни мало, она опоясывается леншою, и вдругъ — о чудо! мысли ея, чувствованія и самый разумъ получили новую перемѣну: изъ простой, едва образованной дочери дровосѣка, сдѣлалась прекраснѣйшая, умная и воспитанная дѣвица; лице ея получило новую прелестнѣйшую выразительность, словомъ, вся она какъ бы перероди-

лась. —, „Гдѣ я? что я чувствую?“ произнесла Милолика голосомъ, изображающимъ ясно ея удивленіе и сильное волненіе духа. О родишель мой! произнесла она бросаясь на колѣни предъ Оспаномъ, позвольте мнѣ отккрышь вамъ мои сердечныя чувствования: я люблю Мирослава; мое сердце принадлежитъ ему на вѣки; не разрушьте своимъ отказомъ счастья вашей дочери!“ —, „Вспань, вспань, любезная Милолика, опвѣчалъ ей разпроганный Оспанъ; поди ко мнѣ въ объясія, — я не жестокій отецъ; да будетъ пакъ, какъ судьбѣ угодно.“ Кончивши слова сіи, онъ прижимаетъ Милолику къ своему сердцу; попомъ она переходитъ въ нѣжныя объясія матери, и наконецъ обнимаетъ Гориславу. Когда все се-

мѣйство нѣсколько успокоилось, по начали разпоряжашь планъ будущей жизни. Оспанъ опира- вился въ городъ для найма слу- жишелей; жена его начала пере- смашривашь все въ домъ и при- водить въ лучшій порядокъ; Ми- лолика удалилась въ свою комна- ту мечпашь о Мирославъ; а Го- рислава, съ сильною злобою и за- виспю грызущею ея сердце, скры- лась въ самую - мрачную часпъ сада. Злые люди не любяпъ свѣ- ша: они въ шемношѣ и мракѣ ды- шупъ свободнѣе.

Горислава сидѣла будучи погру- жена въ мрачную задумчивоспъ: безнадежная любовь къ Миросла- ву, ненависпъ и злоба къ Мило- ликѣ шерзали попеременно ея сердце., О Мирославъ! воскликнула она послѣ продолжительнонаго мол-

чанія, для того ли ты явился, чтобы разрушить мое спокойствіе? для того ли я тебя узнала, чтобы почувствовать жесточайшія мученія? А ты ненавистная сестра, продолжала она въ сильномъ испугѣ, дорого заплашишь мнѣ за перешедшее мое мученіе. О если бы я могла разрушить свое счастье, разорвать узелъ любви, связующій тебя съ Мирославомъ? о если бы въ моей власти была участь ваша? — тогда бы всѣ узрѣли, что можешь сдѣлать опчаянная дѣвушка.“ Едва она произнесла сіи слова, какъ увидѣла предъ собою спустившійся съ быстротою молніи огненный шаръ, который разорвавшись съ великимъ шумомъ, представилъ взору ея женщину, одѣтую въ великолѣпное

плашье , съ блискающею на головѣ короною ; нѣкопоруя суровоспѣ и злора начерпаны были на лицѣ ея. „Здравспвуй, любезная Горислава, сказала она успрашенной дочери дровосѣка ; я услышала твои справедливыя жалобы на Мирослава и Милолику, и опѣ всей души желаю тебѣ помочь.“— „Кшо вы шаковы, сударыня? спросила ее Горислава дрожащимъ голосомъ.“— „Я волшебница Змѣяда.“—Горислава, услышавши сіе, топчасѣ бросаешся предѣ волшебницею на колѣни, берешѣ ея руки и осыпаешѣ поцѣлуями. — „Вспанѣ, любезная дѣвица, говоришѣ ей Змѣяда ; будь увѣрена, что я испощу все свое искусство, дабы помочь тебѣ. Сядемъ вмѣспѣ,—я расскажу кшо шаковѣ Мирославѣ.“—Вѣ одну минушу между

волшебницею и Гориславою родилась взаимная довѣренность: злые люди весьма скоро знакомятся и дружатся. Когда онъ съли, то Змьяда начала говорить слѣдующее :

„Мирославъ есть единственнѣйшій сынъ волшебницы Кандиды, моей сильной неприятельницы; но не смотря на то, я хотѣла забыть всю вражду и въ Кандидѣ имѣть себѣ истиннаго друга. Признаюсь, любезная Горислава, я подобно тебѣ увидѣла Мирослава и потеряла на вѣки свое спокойствіе. Какая дѣвушка или женщина можетъ смотрѣть на него равнодушно! Я предложила ему руку и сердце, — но онъ отвергнулъ, и мать его одобрила опіеказъ сей. Посуди, моя милая, каково мнѣ тогда было! Ненависть

къ Кандидѣ усилилась , а любовь къ Мирославу обратилась въ презрѣніе. Я повсюду за нимъ слѣдовала невидимымъ образомъ и хошѣла погубить ; но искусство и сила Кандиды его охраняли , а моя любовь сильно за него предшательствовала и обезоруживала мое намѣреніе ; но теперь я нашла случай опомститься ненавистной Кандидѣ и ея сыну. Между прочими талисманами , данными Мирославу его матерью , былъ поясъ , копорый онъ долженъ былъ опдашь будущей своей супругѣ ; въ семъ поясѣ заключаешя его и избранной имъ невѣсты счастье и благополучіе. “—, Какъ ! прерываетъ ее Горислава , неужели поясъ , подаренный Мирославомъ моей сестрѣ , столь важенъ ? “—, Да , любезная Горислава ,

опвѣчаетъ ей волшебница , и если ты можешь достать оный , то я тебѣ ручаюсь , что мы разрушимъ счастье двухъ любовниковъ и удовлетворимъ своему мщенію. Прощай, милая дѣвица; какъ скоро поясь Милоликинъ будешь у тебя въ рукахъ, не медля ни мало приходи сюда : я пошчасъ явлюсь къ тебѣ.“

Змѣяда кончивши исчезла и оставила Гориславу, которая побывши нѣсколько времени въ саду и будучи обнадежена волшебницею, возвратилась въ домъ съ примѣшнымъ удовольствіемъ. Останъ уже прибылъ изъ города; онъ нанялъ проихъ служителей, и жена его разпредѣлила каждому особенную должность. Все семейство собралось въ общую комнату и сѣло за вкусный обѣдъ , пригошен-

ный женою дровосѣка. По окончаніи сполна всѣ пошли въ садъ , и пробыли въ ономъ до самаго вечера. Предметомъ ихъ разговора былъ Мирославъ и удивительная перемѣна ихъ скуднаго жилища въ прекрасный и просторный домъ. При наступленіи вечера собрались опячь въ общую комнашу. Оспанъ приказалъ подать себѣ бутылку вина, и между веселыми разговорами не видали они, какъ пришло время ужина, по окончаніи котораго разошлись всѣ по своимъ комнашамъ. Горислава и Милолика раздѣвшись легли въ постелю , но обѣ долго не могли сомкнуть глазъ : одна ошь любомщенія , а другая ошь любви. Наконецъ Милолика заснула крѣпкимъ и приятнымъ сномъ. Горислава увидя , что се-

спраея спишь, пошчасъ вспаешъ съ постели, подходишь къ спящей Милоликѣ и похищаешъ у нее поясъ, подаренный Мирославомъ. Получивши въ свои руки сію добычу, она съ поспѣшностію идешь въ садъ въ то самое мѣсто, въ которомъ видѣлась съ Змѣядою, и съ неперпѣніемъ ожидаешъ волшебницу: но Змѣяда не заспавила себя ожидать долго: Горислава не успѣла еще перевести духа, какъ уже волшебница спояла передъ нею., „Здравствуй Горислава; поздравляю тебя съ удачнымъ окончаніемъ нашего предпріяшя. „Кончивши слова сіи и взявши поясъ, она исчезаетъ, оставивъ Гориславу въ недоумѣніи и сильномъ страхѣ. Съ исчезнушіемъ Змѣяды пропала надежда въ сердцѣ мстительной Гориславы. „Неужели

я для всѣхъ буду служишь игрушкою! воскликнула она въ сильномъ испугѣ. Ахъ! моя довѣренность меня губишь; я думала, что теперь же увижу свою ненавистную сестру и Мирослава издыхающихъ въ ужасныхъ мученіяхъ, или по крайней мѣрѣ ползающихъ у ногъ моихъ и просящихъ пощады и помилованія; но вдругъ надежда моя рушилась и я оспалась предметомъ посмѣянія хитрой и коварной волшебницы. Впрочемъ я не безсильна, продолжала она съ бѣшенствомъ; сей часъ же пойду и докажу надъ сестрою своею, сколь опасно ругаться Гориславою!“ — Едва она кончила слова сіи, какъ услышала ужасный шумъ: огненный драконъ съ быспрошою молніею пролетѣлъ мимо ее. Съ ужаснымъ смятеніемъ

и страхомъ кинулась она вонъ изъ саду и вбѣжала въ свою комнату; прямо бросаешся къ кровати Милоликиной и находишь ее пустою, а надъ нею слѣдующія слова, начерпанные огненными буквами: „Горислава! часъ мщенія наступилъ: ты и я теперь удовлетворены. Милолика уже въ моихъ рукахъ; вѣчное заключеніе въ крѣпчайшемъ замкѣ среди необитаемаго острова будешь ея удѣломъ. Мирославъ равнымъ же образомъ не избѣгнешъ моей власпи и могущесшва. Чрезъ нѣсколько дней я увижусь съ побою и успрою швое счастье. Змѣяда.“

Горислава, видя исполненіе своего желанія, успокоилась; — раздѣвшись, легла въ постель и заснула крѣпкимъ сномъ.

На другой день поутру проснувшись, она съ поспѣшностію одѣваешся, и вбѣжавъ съ прищворнымъ видомъ опчаянія въ комнату, гдѣ находился Оспанъ и его жена, говоритъ имъ, что Милолика пропала., „Какъ! воскликнулъ Оспанъ сплеснувъ руками; кудажь она дѣвалась?“ — „Я видѣла, бапюшка, опвѣчала ему Горислава, какой-то огненной змѣй, влешѣвши въ нашу спальню, схватилъ ее ужасными своими кохпями и быспрѣе молніи исчезъ съ нею изъ глазъ моихъ; — болѣе я ничего не знаю.“ — „Лжешь злодѣйка! произнесъ невидимый голосъ, ты погубила сестру свою и должна понести за сіе наказаніе!“ Едва голосъ умолкъ, пошолокъ раздвинулся, ужасный крылашый змѣй спустился въ комнату и ударив-

шись объ полъ, въ одно мгновеніе ока преврапился въ величайшаго Исполина. „Гнусная и злобная тварь! заревель Исполинъ громоподобнымъ голосомъ, ты причиноу несчастія ѣвоей сестры и прекраснаго Рыцаря; ты разрушила счаспіе и спокойствіе своихъ добродѣпельныхъ родителей; но теперь ни какая человѣческая сила не можетъ изхитить тебя изъ рукъ моихъ.“ — Кончивши слова сіи, онъ въ одну минушу превращается въ величайшаго орла и схвативши кохпями полумертвую Гориславу, улепаетъ изъ комнапы. Кто можетъ описать изумленіе, страхъ и несчастіе бѣднаго дровосѣка и жены его? „О Мирославъ! сказалъ Оспанъ проливая испочники слезъ, для чего ли ты намъ явился, чптобы

разрушить нашу мирную и спокойную жизнь,—лишить меня любезнѣйшихъ дѣшей? Какая мнѣ теперь польза въ швоемъ подаркѣ? Моя бѣдная хижина была вмѣстѣ спилищемъ пишины и спокойствія, а теперь большой и пространнѣй домъ будетъ наполняться моими воплями!“ Жена его находилась въ подобномъ положеніи. Въ сіе время, когда они плакали и сѣшовали, комната озаряется необыкновеннымъ свѣтомъ, пріялиѣйшее благовоніе разпространяется по оной; женщина величественнаго вида, окруженная сіяніемъ, предспала предъ ними. Осшанъ и его жена, пораженные симъ необыкновеннымъ явленіемъ, бросающся на колѣни.

„Осшанъ, начала говорить сія женщина весьма пріяшнымъ го-

лосомъ, умѣрь свою печаль, прекрати жалобы и спенанія: ты узришь опянь своихъ дочерей, будешь счастливъ и благополученъ. Не обвиняй Мирослава и не почишай его причиною своихъ бѣдспвій: онъ самъ несчастливъ; впрочемъ положишь на меня и будь покоенъ: все кончилось къ лучшему. Я волшебница Кандида, а Мирославъ мой сынъ. Прощай до счастливаго свиданія.“ Произнеся слова сіи, она сдѣлалась невидимою.—Оспанъ, увѣренный въ помощи волшебницы, успокоился.

Змѣяда, получивши опъ Гориславы ленипу и исчезнувъ изъ глазъ ея, превратилась въ огнедышущаго дракона; она, влещѣвши въ снальную, схватила Милолику, погруженную въ глубокой сонъ, и быстро полещѣла съ нею на

необитаемый островъ. Прилѣпѣвши съ своею добычею къ замку, находящемуся на семъ островѣ, она спустилась на землю близъ самыхъ вѣрошъ. При ея появленіи они съ великимъ скрыпомъ разшворились. Едва Змѣяда вспупила въ замокъ съ Милоликою все еще спящею, вѣрошы опяшь сами собою, какъ бы опъ дуновенія сильнаго вѣтра, разшворились; она съ оспорожносною положила Милолику на кровать, и исчезла.— На другой день поушру Милолика открываешъ глаза и съ великимъ изумленіемъ осмаприваешся во кругъ; перемѣна комнашы и мрачный видъ оной не обѣщаль ни чего хорошаго; какое-то шайное предчувствіе заспавило Милолику содрогнуться.,,Гдѣ я? воскликнула она измѣняющимся голосомъ.,,—

„Въ замкѣ горести и опчаянїя, произнесъ не видимый голосъ.“ „О великіе Боги! вскричала Милолика вскочивъ съ постели и дрожа всѣмъ тѣломъ, за что епо? какой я учинила просшупокъ?“ — „Твой просшупокъ состоишь въ томъ, что ты осмѣлилась любить Мирослава, былъ ей опвѣтъ.“ — „Неужели любить Мирослава есть порокъ?“ „Хошя не порокъ, но ты не должна его любить; забудь его навѣки; онъ для тебя потерянь.“ — „Какъ! мнѣ забыть Мирослава? Нѣтъ! скорѣе соглашусь прешерпѣть всѣ напасти, всѣ мученїя, но не забуду Мирослава! Его милой, прелестной образъ навсегда оспался въ моемъ сердцѣ. Умерѣть и забыть Мирослава для меня все равно.“ — „А когда такъ, опвѣчалъ ей опяшь невидимый

голосъ, по вѣчное заключеніе въ
 семь мрачномъ замкѣ будешь
 своимъ удѣломъ. Такъ мспяиъ
 волшебница Змѣяда и Горислава
 своей соперницѣ.“ „Какъ! восклик-
 нула Милолика, и моя сестра мнѣ
 мспишь? Эшаго ужъ слишкомъ
 много! Неужели Горислава на
 сіе рѣшилась?“—Но невидимый го-
 лосъ умолкъ. Милолика, видя себя
 въ рукахъ злобной волшебницы,
 и будучи заключена въ замкѣ, мо-
 жешь бышь на вѣки, чувствоввала
 вполне всю мѣру несчастій.
 Обильный испочникъ слезъ пока-
 шилъ изъ прелеспныхъ глазъ,
 шяжкіе вздохи вырывались изъ
 волнующейся груди, горесъ и
 опчаяніе ясно изобразились на
 миломъ лицѣ ея. Спуспя нѣсколько
 времени, она пошла осмапривать
 свое новое жилище; мрачносць

онаго еще болѣе отягчила сердце ея. Возвратившись въ свою спальню, увидѣла на столѣ ломось хлѣба и кружку воды; но во весь шопъ день не прикасалась къ своей пищи; однѣ слезы и вздохи сославляли единственное ея занятіе. Такимъ образомъ провела она въ семъ замкѣ шесть мѣсяцовъ; мучительная шоска и печаль шакъ измѣнили чершы лица ея, чшо не возможно было узнать ея. Въ одинъ вечеръ, по прошествіи шести мѣсяцовъ, сидѣла она подлѣ окошка въ своей спальнѣ будучи погружена въ глубокую задумчивость; наконецъ шомнымъ и печальнымъ голосомъ запѣла слѣдующую пѣсню :

П Ъ С Н Я.

Гдѣ ты? о Мирославъ любезный!
 Услышь, дражайшій, голосъ мой!
 Куда сокрылся взоръ прелестный?
 Куда дѣвался мой покой?

* *
 *

Явись ко мнѣ, къ тебѣ зываю!
 Дай зрѣть мнѣ милый образъ твой!
 Но ахъ! напрасно я вздыхаю:
 Исчезло счастье и покой!

* *
 *

Почто тебя, мой другъ, узнала?
 Почто плѣнилася тобой?
 На толь, чтобъ мучилась — спрадала!
 На толь, чтобъ рушился покой!

* *
 *

Живу съ печалью и страдаю,
 Съ унылой горестяной душой;
 Конца я жизни ожидаю:
 Теперь лишь смерть одна покой.

* * *

*

Приди, взгляни, о другъ безцѣнной,
 Какъ я помлюсь въ неволѣ злой.
 О Мирославъ! душѣ сраженной,
 Приди, и возврати покой!

Кончивши сію пѣсню, она снова задумалась и мечтала о любезномъ; небольшой шорохъ заспавилъ ее оглянувшись назадъ, и Мирославъ споялъ предъ нею. Кто можешь описать удивленіе и радость Милолики? кто можешь изъяснить восшоргъ Мирослава? Они спояли нѣсколько времени не шрогаясь съ мѣспа и не говоря ни слова; наконецъ Мирославъ

прерываетъ молчаніе., „Тебя ли я вижу, дражайшая Милолика? говоришь онъ спраспнымъ голосомъ; ты ли ешо моя любезная?“ — „О Мирославъ!“ восклицаетъ Милолика шакимъ голосомъ, который проникъ въ сердце юнаго Рыцаря. Онъ заключаетъ ее въ свои объятія и осыпаетъ пламенными поцѣлуями. Вдругъ ужасный громъ поражаетъ ихъ слухъ; любовники приходятъ въ сильное смяшеніе и страхъ. Послѣ сильныхъ раскашовъ грома блеснула яркая молнія, замокъ началъ трястись и гошовъ былъ разрушиться до основанія, всѣ двери въ ономъ сами собою разшворились, и Мирославъ съ Милоликою увидѣли предъ собою волшебницу Змѣяду. Сильная ярость изображалась во всѣхъ чертахъ лица ея, глаза налипы

были кровію, пѣна клубилась изъ устъ ея, всѣ мускулы опъ чрезмѣрной злобы находились въ судорожномъ движеніи, черные волосы лежали въ безпорядкѣ по плечамъ ея. „Дерзкія и гнусныя швари! сказала она свирѣпымъ голосомъ, жесточайшія мученія прекращашъ ненавистную для меня жизнь вашу! Тогда только буду спокойна, когда увижу васъ издыхающихъ въ судорожныхъ движеніяхъ!“ Кончивши слова сіи, топнула въ полъ ногою, и въ одно мгновеніе ока, два ужасные Исполина явились предъ нею и ожидали ея приказаній. „Возьмите сихъ гнусныхъ шварей, сказала она оборотясь къ Исполинамъ и указывая пальцомъ на Мирослава и Милолику, ужаснѣйшими мученіями исторгните у нихъ жизнь,,

Гиганшы, исполняя повелѣніе Змѣяды, приблизились къ двумъ любовникамъ; но вдругъ невидимая сила оныхъ Исполиновъ преобразила въ прахъ. Змѣяда пришла опъ сего въ бѣшенство., „Кто разрушаешь власъ мою и могущество, опъ котораго и самый адъ препенещь?“ произнесла она ужаснымъ голосомъ и скрыпя зубами. — „Я! отвѣчала ей въ шуже минушу явившаяся Кандида.“ — Змѣяда, ни говоря ни слова, бросается на Кандиду, которая въ одну минушу превращается въ пламеннаго дракона. Змѣяда учиняешь поже, и обѣ волшебницы въ видѣ драконовъ вступаютъ въ жестокое сраженіе; онѣ изрыгаютъ изъ челюстей своихъ ужасный пламень, бьютъ безъ пощадно другъ друга крыльями и

перзаюпъ кохпями. Змѣяда, начинавшая ослабѣвать, превращается въ ужаснаго шигра и съ люпостію бросается на Кандиду, которая въ одну минушу принимаетъ на себя видъ свирѣпаго льва. Бѣшенство и злоба, сильно овладѣвшія Змѣядою, придаюпъ ей новыя силы; но впрочемъ хладнокровіе и предусмотрительность Кандиды даюпъ ей сильный перевѣсъ прошивъ соперницы. Змѣяда, начавшая ослабѣвать опъ множествва испекшей крови, превращается въ орла, а Кандида въ сокола, и съ новымъ спремленіемъ опяпъ бросаюпся другъ на друга. Наконецъ Змѣяда, видя во всѣхъ своихъ превращеніяхъ неудачу и поржествво своей соперницы, принимаетъ видъ маленькой мыши и хочепъ уйпи въ щель; но Кан-

дида, преврашившись въ коша, поймала ее и задавивъ, кончила сраженіе. Она въ одну минушу принимаетъ свой настоящій видъ и подходитъ къ Мирославу и Милоликъ, ожидающимъ въ сильномъ страхъ конца сраженія между двумя волшебницами. „Любезные дѣши! говоришь она подойдя къ нимъ, всѣ ваши несчастія кончились: ненависпная Змѣяда умерла опъ руки моей. Вопъ швой поясъ Милолика, продолжала она подавая ей леншу: зависпливая Горислава разрушила было швое счастье и благополучіе; но моя предусмотрительность и искусство разрушили всѣ ковы злобы и коварства. Твоя швердая и постоянная любовь къ Мирославу достойна награды; будь его супругою, а моею дочерью.“—При сихъ

словахъ Мирославъ и Милолика повергаются предъ Кандидою на колѣни.-, „Подите къ моему сердцу, любезные дѣти!-“ Сказавши сіе, она заключаешъ въ объятія двухъ любовниковъ, которые осыпающъ поцѣлуями ея руки. „Пойдемте, мои милые, изъ сего гнуснаго жилища.“ — Произнеся сіе, она беретъ за руки Мирослава и Милолику и выводитъ ихъ вонъ изъ замка, который въ одну минушу превращается въ кучу камней и зароснаешъ правою. Волшебница произнесла нѣкоторыя неизвѣстныя слова и въ одну минушу явилась предъ ними великолѣпнѣйшая колесница, въ которую впряжены были четыре крылашья лошади. Едва Кандида, сынъ ея и Милолика сѣли въ колесницу, лошади поднявшись на воздухъ, полетѣли съ

быспрошою молніи къ жилищу волшебницы. Во время пужи, Кандида рассказала Милоликъ, какимъ образомъ она похишила Гориславу и успокоила Оспана и жену его; изъяснила ей, какъ спрадалъ Мирославъ, узнавши, что его любезная находится во власти злобной Змѣяды. „Я, продолжала волшебница, по нѣкопрымъ причинамъ не могла шебя, любезная Милолика, прежде сего времени изхишишь изъ рукъ злобной моей непришельницы: сила нѣкотораго шалисмана, находящагося у ней въ рукахъ, охраняли ее отъ наказанія, давно уже ею заслуженнаго; но наконецъ я все преодолѣла. Будучи увѣрена въ несомнѣнной побѣдѣ надъ Змѣядою, я взяла Мирослава и въ одно мгновѣніе ока перенеслась съ нимъ въ

замокъ горести и опчаянія ;
оспальное тебѣ уже извѣстно.“—
Едва волшебница кончила, коле-
сница спустилась на землю предъ
ворошами великолѣпнѣйшаго зам-
ка. Ворошы онаго въ одну мину-
самы собою разшворились и ко-
лесница въѣхала на просторный
дворъ. Кандида съ Мирославомъ и
Милоликою, вышедши изъ оной,
пошли по великолѣпному мрамор-
ному крыльцу въ покои замка ;
вступя въ переднія комнаты, они
встрѣчены были прекраснѣйшими
дѣвицами и юношами, которые
одѣшны были въ богатѣйшія
плашья ; пройдя нѣсколько вели-
колѣпно убранныхъ комнатъ ,
вступили въ просторную залу ,
украшенную удивительнѣйшимъ
образомъ: въ оной находились
Оспанъ, жена его и Горислава.

Милолика, увидѣвши своихъ родителей, не могла удержашь восторга и радости: она подбѣгаетъ и бросается къ нимъ въ объятія. „Что я вижу? бапюшка! мапушка! вы оняшь со мною!“— Оспанъ и его жена опъ сильнаго восхищенія не могутъ произнести ни одного слова: они проливають испочники слезъ прижимая Милолику съ нѣжноспію къ своему сердцу.--„Оспанъ, сказала Кандида подводя къ нему Мирослава, и ешопъ человекъ не долженъ бышь чуждъ швоей любви и горячності; онъ равное имѣеть право съ Милоликою на швое сердце, шакъ какъ будущій супругъ ея.“—„Какъ! Мирославъ супругъ моей дочери? воскликнулъ дровосѣкъ.“--„Точно, любезный Оспанъ, продолжала волшебница; мой сынъ да будетъ

пвоимъ сыномъ, а пвоя дочь мою.“
 „Сынъ мой! дочь моя! будыше сча-
 спливы, произнесъ Оспанъ съ
 сильнымъ волненіемъ духа.“— Го-
 рислава во время сей сцены спо-
 яла съ пошупленными взорами:
 спыдъ и разкаяніе живо изобра-
 жались во всѣхъ чертахъ лица
 ея. Кандида, подошедши къ ней и
 взявши ее за руку, подвела къ
 дровосѣку. „Оспанъ! сказала она,
 вопъ еще другая пвоя дочь!“—
 Нѣпъ, ошвѣча пъ онъ, опвращая
 свои взоры опъ Гориславы, епо
 не дочь моя: у меня нѣпъ пороч-
 ныхъ дѣпей!“— „Проспи ее, преры-
 ваешъ волшебница, она совер-
 шенно перемѣнилась, я шебъ за епо
 ручаюсь.“— „Бапюшка! не лишите
 меня своей милоспи и любви, во-
 склицаетъ Горислава бросааясь
 предъ Оспаномъ на колѣни и

проливая слезы, примите разкаевающуюся дочь вашу. Ахъ! теперь только я познала плоды злобы и зависти.“—, Проспите ее, дражайшій родитель! произносясь въ одинъ голосъ Мирославъ и Милолика; она не сполько виновна, какъ вы думаете: коварная и злобная Змѣяда всему причиною.“—, Поди къ моему сердцу, дочь пресупная: я тебя прощаю; да будешь твоей просупокъ для тебя урокомъ на всю жизнь.“— Сказавши сіе, онъ заключаетъ Гориславу въ свои объятія. — По окончаніи нужныхъ изъясненій и изліяній сердечныхъ воспорговъ, Кандида повела гостей своихъ въ столовую, гдѣ ожидалъ ихъ богатый и вкусный ужинъ. Едва сѣли за столъ, какъ раздалась огромная музыка, между копорую пѣло было слѣдующее:

Х О Р Ъ.

Веселитесь, наслаждайтесь
 Добродѣтельны сердца;
 Вънцомъ счастья украшаетесь
 Жизни вашей до конца.

Веселись чета любезна
 Милолика, Мирославъ!

Какъ весною масть природа,
 Вся жизнь ваша да цвѣтепъ;
 Нѣжная любовь — свобода
 Въ сердцахъ вашихъ да живепъ.

Веселись чета любезна
 Милолика, Мирославъ!

Прочь печали удалитесь,
 Прочь всѣ горести отъ насъ!
 Игры, смѣхи водворитесь
 Въ сей счастливый для всѣхъ часъ.

Веселись чета любезна
 Милолика, Мирославъ!

По окончаніи ужина всѣ вышли изъ застола и распались до слѣдующаго утра, въ которое назначено быль бракосочетаніе двухъ любовниковъ; но во всю ночь никто не могъ сомкнуть глазъ своихъ. Останъ съ женою разговаривали о благодѣтельной Кандидѣ, о Мирославѣ, о счастіи своей дочери; Мирославъ и Милолика мечтали о близкомъ окончаніи своихъ желаній, а Горислава мысленно проходила всю свою жизнь, и жестоко укоряла себя за сдѣланный прослупокъ, швердо рѣшившись перемѣнить свой характеръ.

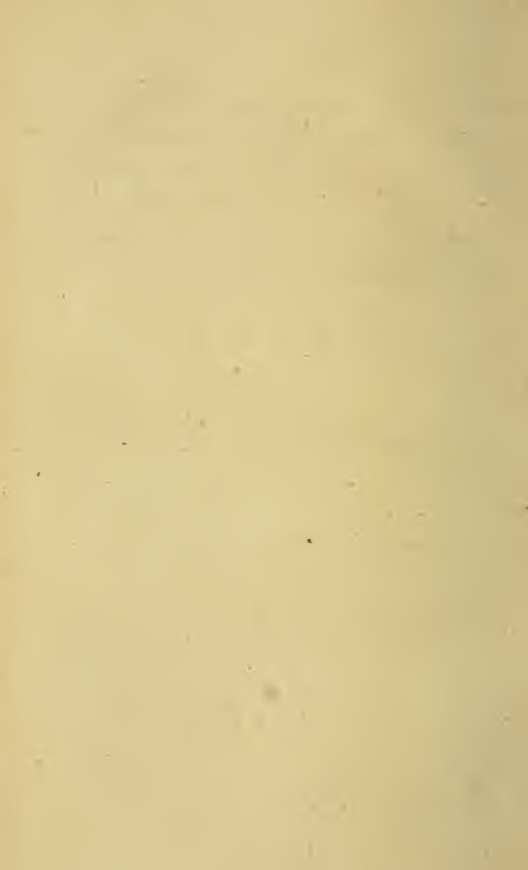
На другой день поушру Мирославъ и Милолика соединены были на вѣки неразрѣвными узами брака. По окончаніи увеселеній, продолжившихся въ замкѣ вол-

шебницы шесть дней, Оспанъ съ женою и Гориславою, щедро одаренные Кандидою, опсправились въ свое жилище.

Мирославъ и Милолика жили счасливо и благополучно: ничто не возмущало ихъ мирной, спокойной жизни; любовь и взаимная нѣжность продолжалась между ими до глубокой спарости. Горислава совершенно перемѣнилась и сдѣлалась доброю и любезною дѣвушкою; Губернапоръ того города, близъ коего жилъ Оспанъ, однажды увидѣлъ ее, и влюбившись, женился на ней. — Оспанъ съ женою доспигли глубокой спарости; они имѣли удовольствіе видѣшь внучапъ своихъ опъ обѣихъ дочерей, и съ душевнымъ спокойспвіемъ преселились въ вѣчность. Кандида продолжала

дѣлашь добро и изкорѣняшь зло; она также имѣла удовольствіе видѣшь благополучную жизнь дѣшей своихъ и всего осчастливленнаго ею семейства дровосѣка. Такъ награждаешся добродѣшель!

К О Н Е Ц Ъ.

С К А З К А

о

Ц А Р Е В И Ч Ъ С Е Л И М Ъ .

С К А З К А

• 0

Ц А Р Е В И Ч Ъ С Е Л И М Ъ.

Когда волшебницы и волшебники существовали еще на земли, и все было покорено ихъ власти и могущесшву, въ то время управлялъ однимъ Государшвомъ нѣкошорый добрый Король, по имени Добромысль; онъ имѣлъ у себя одного сына, называвшагося Селимомъ. Хотя сей Царевичъ ошъ природы былъ крошкаго нрава, но чрезмѣрная любовь и нѣжность, питаемая къ нему его родишелями, нѣсколько повредили душевныя его качесшва и сдѣлали его своевольнымъ, взыскашельнымъ и даже иногда жестокимъ. Добро-

мысль, замѣчая иногда въ сынѣ своемъ сіи пороки, хощя и сожалѣть о семъ, но впрочемъ думая, что ешо все пройдетъ съ лѣтами, оставался спокоенъ.

Едва Селимъ доспигъ двадцатилѣшняго возраста, какъ уже лишился своихъ родителей, и оспался полнымъ власпелиномъ самага `себя и пространнаго Королевства, доставшагося ему по праву наслѣдства. По пролишіи слезъ надъ прахомъ отца и матери, коихъ онъ любилъ весьма нѣжно, Селимъ принялъ корону и скипетръ. Первое вспуленіе на прешоль родительскій ознаменовалъ онъ добродушіемъ и кропосстію, разсудительностію и милосердіемъ; но въ послѣдствіи отдавшись на волю ласкашелямъ и лицемѣрамъ, началъ пренебре-

гашь ввѣренною ему власшю, поручивши все сребролюбивымъ , хипрымъ и честолубивымъ Царедворцамъ. Вскорѣ послѣ сего многіе доспойные мужи, пекущіеся о благосостояніи Государства, и дерзнувшіе представить Селиму о его безпечности , были или опдалены опъ двора , или посланы въ започеніе; народъ спеналь опъ новыхъ налоговъ; но ахъ! слезы подданныхъ не доходили до престола ослѣпленнаго Селима , ибо окружающіе сего юнаго повелителя спарались опдалять опъ него бѣдствія народныя , представляя , что всѣ блаженспвуютъ подъ мудрымъ его правленіемъ.

Селимъ провождалъ жизнь разсѣянную; безпрестанныя увеселенія и звѣриная охоша сосставляли

единственное его препровождение времени.

Однажды, будучи на охотѣ, увидѣлъ онъ прекрасную лань и со всею запальчивостію охотника погнался за нею, и сколь ни была быстра его лошадь, однако не могла нагнать звѣря, хотя впрочемъ и не теряла его изъ виду; наконецъ заѣхавши въ дремучій лѣсъ, Селимъ потерялъ слѣдъ лани, да и лошадь его отъ сильнаго бѣгу шакъ успала, что едва могла держаться на ногахъ; шупъ онъ увидѣлъ, сколь далеко завела его излишняя горячность. Ночью, совершенно одинъ, среди непроходимого лѣсу; съ успалою и изнемогшею лошадыю, что же ему оспалось дѣлать? — Провести ночь на правѣ? — Но можешь быть сонъ сей будетъ споить

ему жизни, пошому чшо лѣсъ, въ кошоромъ онъ находился, наполненъ былъ дикими звѣрями. Взлѣсть на дерево? — Но и сего учинишь было невозможно, пошому чшо вѣшви деревъ находились въ большомъ опъ земли разспояніи, а пни были весьма гладки. И шакъ онъ рѣшилъ, слѣзши съ лошади и взявъ ее за повода, идиши наудачу; пройдя довольное пространство, увидѣлъ, чшо лѣсъ началъ нѣсколько рѣдѣть; пошомъ просширая вдаль взоръ свой, замѣшилъ мелькнувшій свѣшъ, и весьма сему обрадовавшись, удвоилъ шаги свои, хошя и шакъ довольно уже упомился. Наконецъ приближившись къ шому мѣсту, ошкуда происходилъ свѣшъ, увидѣлъ, чшо ешо было подземелье, едва примѣп-

ное; ни чего не думая и ни мало не разсуждая, привязываетъ онъ усталую свою лошадь къ близъ стоящему дереву, подходитъ къ маленькой двери, ведущей въ подземелье, и опворя оную, оспиаешся неподвиженъ опъ удивленія! Яркій блескъ опъ неизщепнаго множества восковыхъ свѣчь, горѣвшихъ въ прекрасныхъ хрустальныхъ люстрахъ, освѣщаль пространную комнапу, украшенную великолѣпнѣйшимъ образомъ; золото и драгоценные камни, отражая свѣсъ горящихъ свѣчей, ослѣпляли зрѣніе; вкусъ и пышность, кажепся, спорили между собою. Долго бы Селимъ пробылъ въ безмолвномъ изумленіи, если бы новый предметъ не поразилъ его взора: онъ видитъ подходящую къ себѣ женщину величественнаго

вида, одѣшую въ бѣлое плащье и опоясанную лентою, украшенною дорогими брилліаншами; на головѣ ея блиспала небольшая корона изъ драгоцѣннѣйшихъ каменьевъ. „Здравствуй, любезный Селимъ, сказала она съ пріятною улыбкою изумленному и споящему подобно испукану юному Царевичу. Вижу швое удивленіе и знаю, что сему должно бышь, когда ты среди дремучаго лѣса находишь такое убѣжище, которое, можешь бышь, превосходишь своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ чершогі славнѣйшихъ и богатѣйшихъ Монарховъ; когда ты видишь женщину, называющую себя по имени и знающую совершенно не шолько себя, но и покойныхъ швоихъ родителей Добромысла и Доброгнѣву; впрочемъ

вижу любопытство во взорахъ твоихъ, и уже вопросъ готовъ излестъ изъ устъ твоихъ; — и такъ знай, что я волшебница Добрада, покровительница и защитница всего вашего рода, которого ты осмелся послѣдняя опрассль.“ — „Какъ! воскликнулъ Селимъ упавъ предъ нею на колѣни, я вижу Добраду, всегдашнюю благодѣтельницу нашего рода. О великіе боги! благодарю васъ за сію милость! Позволь благодѣтельное существо, продолжалъ онъ стоя на колѣнахъ, излишь предъ побою мое уваженіе и истинную покорность.“ — „Вспанъ Селимъ, прервала его волшебница подымаясь полу; пойдешь во внутренность моихъ покоевъ: ты очень усмалъ и для тебя нужно опдохновеніе.“ Кончивши слова сіи, взяла его за

руку и повела съ собою. Они проходили многіе покои, коихъ богатство и украшеніе превосходило всякое описаніе; наконецъ достигли огромной залы, при вступленіи въ копорую Царевичъ невольно остановился, будучи пораженъ украшеніемъ оной; казалось будто она слита была изъ брилліаншовъ; самый полъ составленъ былъ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.

„Теперь не время, любезный Селимъ, занимаешься разговорами, сказала Добрада вошедши въ залу; — для тебя болѣе нужно подкрѣпишь себя пищею и сномъ, а завтра послѣ завтрака займемся съ тобою, и я расскажу такія вещи, о копорыхъ ты, хотя и до тебя онѣ касающіяся, не имѣешь ни малаго понятія. Послѣ сихъ словъ она махнула волшебнымъ

жезломъ , и въ шу минушу явился споль, успавленный прекраснѣйшими кушаньями; рѣдкія вины пѣнились въ хруспальныхъ графинахъ. Едва Добрада и Селимъ сѣли за споль, приятнѣйшая гармонія коснулась слуха Царевичева, и онъ въ сладоспномъ упоеніи чувствъ сидѣлъ забывши себя и все его окружающее; если бы волшебница не вывела его изъ сего забвенія , то бы онъ просидѣлъ за споломъ , не коснувшись ни одного блюда , и не выпивъ ни одной рюмки вина , какъ бы оно хорошо ни было. По окончаніи ужина умолкла и гармонія, и когда Добрада и Селимъ вспали изъ за стола, то сія послѣдняя онышь махнула жезломъ своимъ и въ шу минушу споль исчезъ , а вмѣсто онаго явился служишель въ бо-

гапѣйшемъ плашьѣ съ безмольнымъ подобоспращіемъ ожидая приказаній своей повелишельницы., „Замиръ, сказала волшебница оборотясь къ служишелю, опшеди сего гостя въ пригошовленную для него комнапу и повинуйся ему во всемъ, шакъ шочно какъ мнѣ самой.“ Служишель въ знакъ повиновенія сдѣлалъ наклоненіе головою и ожидалъ Царевича., „Сшупай, любезный Селимъ, и успокойся опъ шрудовъ и безшпокойспвъ, понесенныхъ шобою нынѣшній день и часъ шочи; завтра увидимся и переговоримъ о чемъ нужно.“ Кончивши сіе, Добрада удалилась, а Селимъ въ сопровожденіи Замира пошелъ въ комнапу, для него пригошовленную. Вошедши въ оную, увидѣлъ онъ въ углу богашую кровашъ съ бархашною

занавѣскою. Не медля ни мало, съ помощію Замира раздѣвшись, легъ онъ въ постѣлю, и скоро, по причинѣ усалости, заснулъ крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ.

На другой день рано по утру Селимъ проснувшись увидѣлъ, что Замиръ уже споялъ предъ нимъ ожидая его приказаній. Юный Царевичъ вспаешъ съ постѣли и одѣвается; послѣ чего служитель Добрады подаетъ ему шеколадъ, котораго онъ выпивъ чашку, спросилъ Замира, можно ли ему гдѣнибудь прогуляться;—на что сей опивчалъ, что если ему угодно иди въ садъ его повелительницы, то онъ его охотно туда поведетъ; и когда Селимъ на сіе съ удовольствіемъ согласился, то Замиръ подавилъ одну непримѣтную пружину, находящуюся въ

спѣнѣ той комнашы, въ кошорой юный Царевичъ провелъ ночь, и къ великому удивленію онъ увидѣлъ опворившуюся дверь, ведущую въ прекраснѣйшій и пространнѣйшій садъ. Вошедши въ оный и ходя довольно времени, Селимъ на каждомъ шагу встрѣчалъ новыя прелестныя каршины; шѣнисшыя аллеи, прозрачныя пруды, приащныя оспровочки, рѣдчайшіе цвѣшы, различныя фоншаны, плодовишыя деревья со всѣхъ странъ свѣша, звѣри, мелькающіе сквозь деревьяевъ, пшицы прекраснымъ пѣніемъ увеселяющія слухъ,—все ешо восхищало и плѣняло юнаго Царевича. „Ахъ! теперь я шолько чувспвую истинное удовольствіе, восклицалъ онъ нѣсколько разъ.“ Наконецъ желая нѣсколько опдохнуть, вошелъ

онъ въ одинъ грошъ, высѣченный въ каменной горѣ, въ кошоромъ увидѣлъ пригошовленный завпракъ и Добраду, сидящую на дерновой скамѣйкѣ. „Здравствуй, любезный гость, сказала волшебница вошедшему Селиму; каковы ты провелъ ночь и нынѣшнее утро?“ - „Прекрасно! отвѣчалъ сей послѣдній, и теперь чувствую такое удовольствіе, что ни за что въ свѣтѣ не желаю лишиться онаго, и мнѣ кажется, что я только теперь лишь позналъ его.“

„Ето происходитъ отъ того, сказала Добрада, что ты всегда искалъ удовольствія шамъ, гдѣ его найши не лзя; оно не обитаетъ въ разсѣянныхъ и буйныхъ увеселеніяхъ и пиршествахъ, копорыя послѣ причиняютъ одну только скуку; истинное удоволь-

спвіе находишься въ насъ самихъ: наше сердце, наши чувствованія—вошь его жилище; равнымъ образомъ и зависишь опъ насъ же самихъ, какимъ образомъ мы спанемъ искашь его.“ Сей упрекъ, сдѣланный волшебницею юному Царевичу, заспавилъ покраснѣшь его и нѣсколько смѣшашься. Добрада, видя смущеніе Селима, сдѣлала видъ будшо сего не примѣчаешъ, и съ ласковою улыбкою приглашала его сѣспъ возлѣ себя. По окончаніи завпрака волшебница велѣла удалисься Замиру, и оспавшись одна съ Царевичемъ, начала ему говорись слѣдующее:

„Почши уже два спольшія, какъ я покровительспвую вашему роду, и всѣ швои прародители любили меня и почишали какъ свою машь и защишницу; при началъ

всякаго важнаго предпріятія требовали они моего совѣта и помощи, и скажу смѣло, что въ окончаніи и успѣхѣ ни мало не сомнѣвались. Одинъ только Пламидъ, за сто предъ симъ лѣтъ управлявшій шеперешнимъ твоимъ Государствомъ, не знаю за что не любилъ меня, и ввѣрился моей неприязельницѣ Зломиръ; но за сіе самое былъ несчастливъ и бѣдствененно скончалъ жизнь свою. Оставшійся послѣ его сынъ, видя горестную участь своего родителя, пренебрегъ Зломиру и обратился ко мнѣ: ето былъ твой прадедъ Раймиръ; съ сихъ поръ, почти уже охладѣвшая моя любовь къ вашему роду, по причинѣ гнусныхъ поступковъ Пламида, опять воспламенилась и продолжается до сихъ поръ. Зло-

мира, видя неудачу въ своихъ намѣреніяхъ, и ни чѣмъ не могли склонить на свою сторону Раймира, къ которому даже почувствовала не одну простую привязанность, но сильнѣйшую любовь, поклялась опомснить мнѣ жесточайшимъ образомъ; впрочемъ гнѣвъ ея для меня никогда не былъ спрашенъ. Я обыкновенно при рожденіи всякаго младенца въ роду вашемъ присутствовала шупъ же изъ опасенія, чтобы ненависпная Зломира не могла учинить какого либо несчастія; и тебя также, любезный Селимъ, приняла я на свои руки и назвала именемъ отца своего; по сему-то самому ты для меня любезенъ, и я поклялась швоимъ родителемъ бышь тебѣ вмѣсто матери, что и исполню. Лѣша швоего дѣшства

прошккли, а я въ сіе время никакъ не могла бышь у швоихъ родишелей и обняшь шебя, любезный Селимъ, по причинѣ должноспи, возложенной на меня общеспвомъ волшебницъ; именно я была 17 лѣтъ Королевою, шецерь же освободясь ошъ сей многшрудной обязанности и прибывши сюда, слышу, что Дшбромысль и Дшброгнѣва кончили жизнь, а шы всшупилъ на пресполь своихъ родишелей; я въ шо же время хошѣла явишься къ шебѣ и прижашь къ своему сердцу; но вдругъ пришла мнѣ мысль узнать совершенно швои душевныя качества, какъ шы управляешь Государспвомъ? счастливы ли швои подданные? и для шого рѣшилась упошребить хитрость.“ Говоря сіе, волшебница взглянула на Се-

лима значительнымъ образомъ, и ясно замѣтила его смущеніе: онъ по краснѣлъ, по блѣднѣлъ, и не могъ поднять вверхъ пошупленныхъ своихъ взоровъ. Добрада, будто сего не примѣчаетъ, продолжала: „Я, принявъ видъ бѣдной старухи, явилась на площади среди города, и услышала указъ о новыхъ налогахъ; всѣ громко вопіяли прошивъ сего, и съ болезненнымъ спенаніемъ говорили, что уже всѣ силы испожились для доставленія новыхъ подашей; я слышала какъ себя проклинали свои подданные, и сердце мое облилось кровію. Сдѣлавшись невидимою, вошла во дворецъ и увидѣла себя окруженнаго ласкашелями и лицемѣрами, которые съ подобострашіемъ ползая у прона швоего, превозносили швое

милосердіе и крошосць; они съ
 безспыдспвомъ говорили, что
 подданные благоденспвуюшъ подъ
 швоимъ премудрымъ правленіемъ;
 а между швмъ, увы! сіи-шо под-
 данные омочаюшъ слезами по-
 слѣдній кусокъ хлѣба, и громко
 призываюшъ на главу швою всѣ
 бѣдспвія и несчастія! Между шво-
 ими Царедворцами я не видала
 ни одного изъ шѣхъ мужей пре-
 мудрыхъ, кошорые окружали
 шронъ родишеля швоего и не-
 усынно пеклись о благососшояніи
 Государспва. Я думала, что всѣ
 они преселились въ вѣчносць въ
 слѣдъ за своимъ Государемъ; но
 къ несчастію узнала, что они
 часпію удалены опъ двора шво-
 его, а часпію посланы въ запо-
 ченіе. Узнавши совершенно все,
 что нужно для меня было знать,

я возвращилась сюда и рѣшилась заманишь тебя въ сіе мѣсто. Вошь, Селимъ, все, что нужно было сказать тебѣ. Теперь я кончила; опшвѣчай ты и оправдывайся, если можешь? “

Селимъ, сраженный симъ повѣствованіемъ, споялъ подобно пресупнику: смершная блѣдность покрыла лице его; все шѣло его пришло въ судорожное движеніе; завѣса ослѣвленія спала съ очей его; каршина, предспавленная Добродою, попрысла все существо Селима, ибо онъ по природѣ былъ добръ и чувспвишпелень. Пришедши нѣсколько въ себя, онъ упадаешъ къ ногамъ волшебницы, омочаешъ ихъ слезами и просишь ея ходашайсшва и заступленія. „О существо благодѣшельное! воскликнулъ онъ, защити меня!

спаси меня прошивъ самага меня!“
 „Вспань Селимъ, говоришь ему
 волшебница; я вижу, что ты былъ
 ослѣвленъ, и радуюсь, что сердце
 твое еще не повредилось совер-
 шенно. Спупай въ Государство
 свое и принеси съ собою отпращу
 и утѣшеніе спраждущимъ своимъ
 подданнымъ; при семъ прими отъ
 меня подарокъ, весьма для тебя
 нужный. Вотъ онъ, продолжала
 Добрада подавая ему перстень и
 книгу; хопя по видимому сіи дары
 ничего не значашъ, но сила, въ
 нихъ заключающаяся, необыкно-
 венна. Во первыхъ, сей перстень
 будешь удалять тебя отъ всѣхъ
 дѣлъ прошивныхъ разсудку, че-
 сти и добродѣтели, когда онъ
 будешь находишься на рукѣ твоей;
 и если ты что предпримешь учи-
 нишь прошивное выше сказанному,

по оный топчаетъ давленіемъ своимъ въ твой палець дасть тебѣ знашь, что это худое дѣло; когда ты его снимешь съ пальца и положишь въ рошъ, то ни одинъ не можешь удержаться, чтобы не открышь тебѣ всѣхъ тайныхъ своихъ помышленій. Во вѣпорыхъ, книга сія будетъ тебѣ показывать, какъ должно поступать въ сомнительныхъ обстоятельствахъ. Будь счастливъ, любезный Селимъ, и сдѣлай счастливыми своихъ подданныхъ; я невидимо буду болрствовать надъ тобою, и по прошествіи года явлюсь къ тебѣ какъ судія. Даю тебѣ еще своего вѣрнаго Замира; люби его и иногда также соглашайся съ нимъ: онъ не научитъ тебя худому. Прощай, Селимъ! и запечатай въ своей памяти все

мною сказанное.“ Кончивши слова сіи и отдавши юному Царевичу перспень и книгу, Добрада махнула жезломъ своимъ и въ одну минуту прекрасный садъ, очаровательные группы, бесѣдки и шому подобное исчезло, и Селимъ сподялъсь Замиромъ у входа въ подземелье близъ своей лошади, копорая спокойно щинала праву. Замиръ свиснулъ и въ одну минуту явилась еще лошадь совсѣмъ уже осѣдланная и крошко спояла предъ нимъ. Не медля ни мало, Селимъ и Замиръ сядяпся на лошадей и пускающя въ пущь. Выѣхавши изъ лѣса, видяшъ они охопниковъ, искавшихъ всюду своего Государя, и весьма удивившихся, увидя, что Селима сопровождалъ неизвѣстный имъ человекъ. Окруживши ихъ, продол-

жали всѣ въ молчаніи путь къ столичному городу. Прибывши ко дворцу, Государь встрѣченъ былъ всѣмъ придворнымъ шпапомъ, изъявлявшимъ великую радость. При его возвращеніи уже всѣ готовились, какъ бывало прежде, къ торжеству и веселоспьямъ; но кто можетъ описать удивленіе и ужасъ всѣхъ придворныхъ, когда Селимъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и не обращая ни на кого вниманія, прошелъ мимо блестящей толпы и удалился во внутренніе покои въ сопровожденіи Замира, бросающаго на всѣхъ свирѣпыя взоры; всѣ окаменѣли и спояли въ безмолвіи подобно испуканамъ; наконецъ первый Министръ и хранишель государственнѣйшей печати, опомнившись нѣсколько, хотѣлъ было засвидѣ-

шельствованъ нѣжайшее почтеніе своему Государю и пошелъ къ нему; но неумолимый часовой, стоявшій у дверей, отвѣчалъ ему, что не приказано ни кого и ни подъ какимъ видомъ пускашь къ Его Величеству; и такъ онъ принужденъ былъ со стыдомъ возвратиться въ залу собранія и извѣстивъ всѣхъ о своей неудачѣ. Подивясь нечаянной переменѣ Селима и пошолковавъ между собою, чтобы епо значило, разошлись по домамъ своимъ. Въ первый еще разъ со времени вступленія на престолъ Селима, дворецъ его такъ рано опустилъ; только были слышны стукъ маятника въ часахъ и шаги часового, ходящаго назадъ и впередъ у двери, ведущей во внутренніе покои Королевскіе; впрочемъ по-

всюду царствовало глубокое молчаніе и тишина. Но обратимся къ Селиму. Вспуя въ свой кабинетъ, онъ тотчасъ сказалъ своему камердинеру, что его отспавляешъ отъ должности, и приказалъ въ ту же минуту удалиться. Замиръ заступилъ сіе мѣсто. Остатокъ дня и всю ночь провелъ Царевичъ въ великомъ безпокойствѣ; ему довольно живо предспавлялось все сказанное Добродою, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ слѣдующаго утра.

На другой день по приказанію Селима всѣ чиновники и прочіе придворные собрались въ залу, куда не замедлилъ явиться и самъ Государь. Положивши въ ротъ подаренный ему волшебницею перстень, началъ онъ производить испытаніе съ перваго Министра,

до послѣдняго придворнаго; сила Талисмана заставляла противъ воли всякаго говорить то, что чувствовало его сердце и открывать самомалѣйшія и тайныя помышленія онаго. Изъ большаго числа своихъ придворныхъ, Селимъ нашелъ весьма мало истинныхъ сыновъ опечеснва; впрочемъ и наспоющихъ злодѣевъ и алчныхъ корыслоубцевъ было не великое число, большею же частію находились шупъ люди легкомысленные, вѣтренные и ни мало ни о чемъ не пекущіеся, кромѣ забавъ и увеселеній. Царевичъ, вынувши перстень изъ рпа и надѣвъ оный на палець, въ первомъ жару гнѣва своего хопѣлъ всѣхъ негодасвъ безъ изьятія предать смерти; но давленіе кольца въ палець дало ему замѣнить, что онъ рѣшился

поспупишь неблагоразумно. Оспавивъ залу, пошелъ онъ въ кабинетъ и разкрывши книгу, подаренную ему Добродою, увидѣлъ въ ней слѣдующія слова: „кротость и милосердіе, соединенное съ правосудіемъ, лучше жестокости и опрометливаго наказанія, а особливо въ Государѣ.“ Едва Селимъ прочелъ слова, начерпанные въ книгѣ, какъ они въ ту же минуту сами собой исчезли. Возвратившись къ собранію, ожидающему его съ безмолвіемъ, онъ началъ говорить слѣдующее :

„Давно уже я не занимался дѣлами Государственными; разсѣянная жизнь и безпрестанныя забавы отвлекали меня отъ сего. Сознаюсь, къ стыду моему, въ семь ослѣпленіи; но теперь повязка спала съ очей моихъ, и я увидѣлъ

бездну, въ которую гоповъ былъ низринуться и увлечь за собою любезное свое опечесство; съ сихъ поръ принимаю кормило правленія и постараюсь исправить все злоупотребленія и истребю злодѣянія при содѣйствіи мужей мудрыхъ, добродѣтельныхъ и честныхъ, неправедно мною опдаленныхъ оиъ двора моего и находящихся безвинно въ жестокомъ започеніи. Извѣщаю всѣхъ и каждаго, что я ихъ возвращаю къ прежнимъ должностямъ, ими занимаемымъ съ честью; пусть они общими силами спараются о благосостояніи Государства и говорятъ мнѣ правду; пусть охраняютъ тронъ мой, дабы лести и коварство не дерзали являться близъ онаго. А вы, продолжалъ онъ оборотясь къ нѣкоторымъ, уда-

липесь опсюда и не дерзайше
являться не полько предъ лице
мое, но даже и въ моемъ Государ-
ствѣ. Я хошѣлъ было васъ нака-
зать смертію за ваши поступки;
но не желаю бытъ жестокимъ, и
пошому, соразмѣряя милосердіе
съ правосудіемъ, повелѣваю вамъ
навсегда меня оставишь. Вашъ
мое наказаніе! Чшо же касаешся
до прочихъ здѣсь остающихся, я
постараюсь однихъ исправишь, а
другихъ достойныхъ наградишь
чего они заслуживаюшь.“ — Кон-
чивши сіе, онъ поклонился собра-
нію и удалился. — Мершвенная
пишина разпроспиранилась въ
залъ, — слышно даже, было какъ
бились сердца у здодѣевъ; нако-
нецъ мало по малу начали всѣ съ
смущенными и блѣдными лицами
выходишь вонъ; и кшо полько не

устоялъ и не выдержалъ испытаніе предъ Талисманомъ Силемовымъ, подареннымъ ему волшебницею, всякой спарался какъ можно скорѣе собратъся и выѣхать вонъ изъ города; при томъ же споль сильный овладѣлъ сими изгнанниками ужасъ, что выѣхавъ изъ столицы, оглядывались съ препеномъ назадъ, думая, нѣтъ ли за ними погони.

Селимъ, оставшись одинъ, раскрылъ книгу и увидѣлъ въ оной сіи слова: *„Нагало прекрасно! долженъ быть таковъ же и конецъ.“* Когда исчезли слова, то Царевичъ съ самодовольнымъ видомъ началъ ходитъ по комнашѣ; пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ, онъ воскликнулъ: *„Теперь-то я могу назваться истиннымъ Государемъ! Я сдѣлалъ слав-*

ное дѣло и наказаль прямо по Царски. Другой будучи на моемъ мѣстѣ, не зналъ бы, что дѣлать, а я...“ Тупъ довольно чувствительное пожатіе въ палець прервало слова его. Книга еще лежала открыта на столѣ; онъ заглянулъ въ нее и увидѣлъ слѣдующее: *„Не хвались: самохвальство также есть порокъ недостойный Государя.“* — „Что епо значить? вскричалъ онъ. Вошь еще! меня учить такъ какъ ребенка азбукъ?“ Въ сіе время маленькая собачка, копорую онъ чрезвычайно любилъ, подбѣжала къ нему и спала ласкашья; онъ въ сильномъ гнѣвѣ такъ шолкнулъ ее ногою, что она завизжала. Вдругъ кольцо весьма сильно кольнуло его. „Проклятое кольцо! ненавистная книга! вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ, вы

не дадите мнѣ покоя! Не хочу имѣть такихъ несносныхъ вещей.“ И съ сими словами хопѣлъ сорвать съ руки своей перспень; но оный шакъ сжалъ его палець, что даже на ономъ выступила кровь. „Аа! ай! ай!“ кричалъ онъ спараясь освободить палець свой отъ давленія. Вдругъ Добрада являешся предъ нимъ и съ гнѣвнымъ видомъ начала говоритъ: „Селимъ! ты хочешь управлять Государствомъ, а не можешь владѣть самимъ собою. Какъ можешь ты сохранять хладнокровіе въ дѣлахъ важныхъ, когда бездѣлица доводишь тебя до крайности? Ахъ! я думала, что ты твердо выдержишь искусь свой; но ошиблась. Оставайся же, несмысленный и слабодушный! я беру отъ тебя свои подарки и на-

всегда удаляюсь.“ Селимъ, пораженный явленіемъ волшебницы, и приведенный въ спыдъ и смущеніе ея словами, пребывалъ безмолвенъ, не могши произнести ни одного слова; наконецъ бросился къ ногамъ Добрады и проливая источники слезъ, просилъ ее не лишить его покровительсва и маперинской нѣжности, укоряя себя въ запальчивости и излишней опромешчивости. Волшебница, видѣвъ истинное его раскаяніе, простила его, прижала къ своему сердцу и оставивъ при немъ опяшь Замира, персеньи книгу, исчезла.

Селимъ послѣ сего произшествія, казалось, совсемъ переродился; онъ съ неусыпнымъ стараніемъ занялся дѣлами Государственными; возвратилъ изъ зашоченія прежнихъ Министровъ и

Чиновниковъ , удаленныхъ ошъ
 должностей призвавъ ошяъ на
 ошья, доспойныхъ и усердныхъ
 наградилъ щедро ; уничтожилъ
 многія подати и налоги; старал-
 ся изкоренять злоупотребленіе и
 пороки; словомъ, онъ сдѣлался
 попечительнымъ Государемъ и
 ошцемъ своихъ подданныхъ, ко-
 торые, благоденствуя подъ его
 правленіемъ, молили боговъ о про-
 долженіи его жизни. Перспень въ
 печеніи года не болѣе двухъ разъ
 напоминалъ ему его обязанность;
 напрошивъ книга безпреспанно
 была опкрыша, изъ которой онъ
 поучался бышь добрымъ Госуда-
 ремъ.

Спустя годъ послѣ того, какъ
 Селимъ перемѣнилъ свой нравъ,
 изъ разсѣяннаго и беспечнаго
 сдѣлался шрудолюбивымъ и поше-

чисельнымъ. Въ одинъ день въ сопровожденіи вѣрнаго Замира поѣхалъ онъ въ близъ лежащій лѣсъ для нѣкотораго разсѣянія и отдохновенія послѣ трудовъ. Проѣхавъ небольшое пространство онаго, слухъ его поражается неизвѣстнымъ голосомъ просящимъ помощи; Селимъ прищиприваетъ свою лошадь и приказывая слѣдовать за собою Замиру, пускается подобно стрѣлѣ къ тому мѣсту, откуда производилъ вопль; что же ему представилось, когда онъ приѣхалъ? Двое мужчинъ звѣрообразнаго вида шацили незнакому женщину въ чащу лѣса, которая пронзительнымъ голосомъ призывала къ себѣ избавителя и просила помощи; волосы ея были разтрепаны, смертная блѣдность покрывала лице ея,

глаза наполнены слезами. „Стой!“
 закричалъ Селимъ двумъ злодѣямъ
 и уставилъ прошивъ ихъ свой
 кинжалъ. Сіи разбойники, увидя
 сверкающее желѣзо, бросають
 свою добычу и предаются бѣг-
 спву. Царевичъ не медля ни мало
 слѣзаетъ съ лошади, дабы подать
 помощь незнакомкѣ, копорая въ
 сіе время упала въ обморокъ.
 „Ахъ, Селимъ! для чего ты слѣзалъ
 съ коня своего и приближался къ
 незнакомкѣ? для того ли, чшобы
 поперяшь спокойствіе? Находя-
 щаяся въ обморокъ лежала на
 шравѣ; свѣплорусые ея волосы
 въ беспорядочныхъ локонахъ раз-
 сыпаны были по плечамъ бѣлѣй-
 шимъ алебаспра; лице, хошя блѣд-
 ное, но заключало тысячу при-
 яшностей; грудь ея опъ сильнаго
 волненія высоко воздымалась.

Селимъ стоялъ предъ сею красавицею и не помнилъ, гдѣ онъ находился, ничего не чувствовалъ, не слыхалъ и не видалъ, кромѣ ея; хошя бы вся вселенная обрушилась, онъ и тогда бы не отвращилъ взоровъ своихъ, успрямленныхъ на незнакомку; наконецъ она открыла глаза и симъ довершила совершенно побѣду надъ сердцемъ Селимовымъ. Увидя неизвѣснаго молодого мушину, смопрящаго на нее пламенными глазами, она смутилась и яркій румянецъ покрылъ ея щеки. „Гдѣ я? что со мною случилось?“ произнесла она такимъ голосомъ, кошорый проникъ во глубину сердца Селимова. „Успокойшесь, сударыня, сказалъ Царевичъ нѣсколько пришедши въ себя, ваши неприятели предались бѣгству; вы теперь находишесь

въ безопасности и между честными людьми.“ Незнакомка вспаешъ и съ чувствительностію благодаритъ своихъ избавителей. Селимъ замѣтивъ, что она весьма слаба, тотчасъ вынимаетъ изъ сумки фляжку, наливаетъ изъ оной вина и дрожащими руками подноситъ красавицѣ, прося ея хотя нѣсколько выпить для подкрѣпленія силъ. Незнакомка, начавшая уже нѣсколько ободряться, приняла отъ Селима подносимое имъ и выпивъ не много, почувствовала себя гораздо лучше. Возвращая рюмку Селиму, она взглянула на него, покраснѣла и опустила глаза въ землю; она почувствовала въ душѣ своей неизвѣстное ей доселѣ смященіе: спирѣла любви однимъ разомъ произошла два сердца.

Замиръ, будучи внимательнымъ зришемъ всего случившагося, ясно увидѣлъ, что происходило въ сердцахъ Селима и незнакомки; онъ подходитъ къ Царевичу и говоритъ: „Милоспивѣйшій Государь и повелитель мой! гораздо лучше будешь, если мы возвратимся въ городъ взявши съ собою избавленную нами незнакомку, гдѣ она совершенно успокоившись, извѣститъ васъ, кто она такая и какимъ случаемъ подпала тому несчастію, отъ котораго вами избавлена. Селимъ охотно принимаетъ совѣтъ Замира; онъ сажаетъ незнакомку на свою лошадь, а самъ садится на Замирову, который сказалъ, что по близости пути пойдетъ пѣшкомъ; и такимъ образомъ прибыли во дворецъ, въ коемъ для неизвѣ-

стной опведены были прекрасныя комнашы. Сколь она удивилась, узнавши, что ея избавишель былъ Король, и при семъ извѣстїи нѣкопорая горестъ помрачила прекрасное лице ея. „Ахъ! произнесла она весьма шихо, я бы желала, чшобы онъ не былъ Королемъ.“

Селимъ удалился во внутренность покоевъ съ смущеннымъ духомъ и безпокойнымъ сердцемъ: образъ милой незнакомки наполнялъ его воображеніе. „Какъ она прелесшна! какъ мила!“ восклицалъ онъ нѣсколько разъ. Будучи погруженъ въ сіи размышленія, онъ услышалъ позади себя шорохъ, оглянулся, и Добрада стояла предъ нимъ. Царевичъ вскочилъ съ своего мѣста и бросился предъ нею на колѣни. „Всшань, любезный

Селимъ, дражайшій сынъ мой! такъ я тебя называшь буду,—поди ко мнѣ въ объятія; швой искусь кончился, и я довольна, что ты его выдержалъ такъ какъ должно; за сіе я пригошвила для тебя награду, кошорою, думаю, будешь весьма доволенъ.“ Кончивши слова сіи, она остановилась и смопрѣла на Царевича испышующимъ взоромъ, желая узнашь, какое дѣйствіе возымѣюшъ надъ нимъ слова ея. Селимъ не зная, что на сіе опвѣчашь, оспавался безмолвнымъ. „Что же ты ничего не опвѣчаешь? сказала волшебница, или мое доброе желаніе содѣлашь тебя счастливымъ, кажешься для тебя неприятнымъ?“—„Проспи меня, существо благодѣтельное, воскликнулъ Селимъ упадая опять на

колѣни предъ Добродою, свои слова засшавили меня прошивъ воли содрогнушься. Ахъ! можетъ бышь швоя награда для меня будешъ величайшимъ несчастіемъ!“ Вдругъ слова его прерывающся нѣкошорымъ смяшеннымъ шумомъ, двери кабинеша отворяющся и онъ видипъ вбѣгающаго съ послѣшностію своего перваго Миниспра. Разшрепанные волосы, лице покрышое смершною блѣдностію, прясущееся шѣло показывало въ немъ видъ опчаяніа и сильное волненія духа. Селимъ, при появленіи своего Миниспра, смушился и пришелъ въ сильный гнѣвъ опъ шого, что онъ дерзнулъ шполь свободно и даже съ насиліемъ войши въ его кабинетъ; но взглянувъ на лице его и на безпорядокъ одежды, нѣсколько

укрошился. „Что сдѣлалось съ моимъ вѣрнымъ Алидоромъ?“ сказалъ Селимъ вошедшему Министру. — „Государь! прости моей дерзости, воскликнулъ Алидоръ измѣняющимся голосомъ и упавая на колѣни предъ Селимомъ; я пришелъ... я услышалъ, что Амина... моя единородная дочь... моя дражайшая Алина находишься во дворцѣ швоемъ, будучи избавлена побою опъ злодѣевъ въ лѣсу, покушавшихся на ея честь и жизнь.“ — „Какъ! что ты говоришь? незнакомка, спасенная мною опъ смерти, дочь швоя? произнесъ Селимъ съ величайшимъ удивленіемъ; какъ же я не зналъ, что у тебя есть дочь?“ — „Да и никто изъ окружающихъ не зналъ, что я имѣю дочь, опвѣчалъ Алидоръ; одинъ только вѣрный рабъ и покойные

свои родители знали о семъ; впрочемъ всѣ почитали меня бездѣшнымъ.“ — По окончаніи Алидорovýchъ словъ, Добрада, бывшая какъ бы забышою во время сей сцены, прерываетъ молчаніе и съ величественнымъ видомъ подходитъ къ Миниспру. „Здравствуй Алидоръ!“ сказала она ему. — „Великіе боги! Добрада!“ воскликнулъ сей спарець бросившись къ ногамъ волшебницы, и не могъ далѣе ничего говорить. „Встань! встань почтенный мужъ, опвѣчала ему волшебница поднимая его; весьма радуюсь видя тебя при Селимѣ и занимающаго при немъ первое мѣсто; ты очень, очень онаго достоинъ.“ — Въ продолженіи сей сцены Селимъ споялъ въ молчаніи и удивлялся споль короткому знакомству между Добрадою и

Алидоромъ. Наконецъ волшебница напомянула Миниспру, что дочь его съ неперпѣніемъ ожидаешьшой минушы, въ копорую бросишся въ объятія своего родителя. „Спупай, присовокупила она, счастливыи опецъ къ дочери, достойной шебя, а я съ Селимомъ оспанусь здѣсь; мнѣ нужно съ нимъ многое переговорить; при томъ же для васъ будешь приянѣ бышь безъ свидѣтелей.“— „По чему же и намъ не бышь при свиданіи ошца съ дочерью?“ прервалъ Селимъ волшебницу.— „Оспавимъ ихъ на нѣсколько времени, любезный Селимъ, ошвѣчала ему Добрада; когда кончатся первые воспорги свиданія и послѣ взаимныхъ изліяній сердечныхъ чувствованій они нѣсколько успокояшся, мы ихъ шогда увидимъ.“

Слова сіи принудили Селима согласиться оспашься съ волшебницею, что онъ исполнилъ однако не такъ охотно. Едва Алидоръ вышелъ изъ кабинета, Добрада, взявши за руку Царевича и сѣвши съ нимъ на софу, начала ему говорить слѣдующее :

„Селимъ! ты уже вступилъ въ шакія лѣта, въ копорыя надобно подумать о супружествѣ; ты оспался единственною и послѣднею опраслію такого рода, который болѣе 400 лѣтъ носитъ на себѣ корону сего Государства. Неужели я должна пережить столько знаменитое поколѣніе и въ тебѣ видѣть конецъ онаго? неужели ты самъ не желаешь продолжить свой родъ, столько вѣковъ существующій? Что же ты молчишь? оспвѣчай мнѣ на слова сіи?“

„Я уже объ семь думаль, опвѣ-
 чаль Селимъ съ примѣшнымъ
 смущеніемъ, и сія мысль предъ
 вашимъ здѣсь появленіемъ весьма
 меня занимала.“— „А когда шакъ,
 шо я нашла шебъ и невѣспу, ска-
 зала волшебница, и она-шо естъ
 ша награда, о кошорой я упомя-
 нула при моемъ появленіи.“ „Какъ!
 уже и невѣспа?“ воскликнулъ Се-
 лимъ измѣняясь въ лицѣ.— „Да, и
 я швердо увѣрена, что она не
 будешъ шобою опринуша, шакъ
 какъ мною предспавляемая; шы
 уже доводъно знаешъ, что я же-
 лаю шебъ всякаго добра и благо-
 получія.“ — „Кшо она шакова?“
 спросилъ Селимъ дрожащимъ го-
 лосомъ.— „Добродѣшельнѣйшая и
 прекраснѣйшая дѣвица.“— „Ешаго
 мало, возразилъ Царевичъ; я про-
 шу васъ извѣстишь меня объ ея

родъ, имени, опечесствъ и о прочемъ.“—, „На что ешо? опвъчала Добрада; довольно того, когда я за нее предсташельствую. При-совокупляю къ сему еще и то, что всъ несчастія обрушатся на главу швою, всъ бѣдствія постигнутъ Государство швое, если ты не согласишся соединиться съ нею; такова есть воля боговъ и моя. Слышишь ли, продолжала волшебница возвыся голосъ, счастье швоихъ подданныхъ, швоего Государства зависить опъ сего брака.“—, „Могу ли я ее видѣть?“—, „Нѣтъ! до шѣхъ самыхъ поръ она будеть невидима, доколѣ не совершится бракъ шогда спадеть съ нее покровъ, и ты узришь шу, съ копорою угодно было судьбѣ навѣки соединишь себя.“ —, „Но мое сердце уже занято. Ахъ! суще-

ство благодѣтельное, машь моя! воскликнулъ Селимъ бросаясь на колѣни, позволь сыну швоему просить шебя: удали опъ меня сіе несчастіе, не заспавъ меня проклинаяь день моего рожденія, избавь меня опъ ропота прошивъ боговъ! „Вспань, сынъ мой, сказала волшебница, подымая Царевича; чувствую, очень чувствую швое несчастіе! Вижу ясно швое сердце; но не могу подашь никакой помощи: моя власшь менѣ шеперь нежели ничшо прошивъ власши и воли боговъ.“ — „О несчастный! къ кому же мнѣ шеперь прибѣгнушь?“ — „Къ разсудку, любезный Селимъ! Подумай хорошенько; чрезъ семь дней долженъ шы дашь рѣшительный опвѣшь. Помни, что опъ сего опвѣша рѣшишься участь швоя и швоихъ,

шенирь счастливыхъ , подданныхъ; между шѣмъ пойдѣмъ къ Алидору и Алинѣ: я думаю уже они нѣсколько успокоились. Селимъ, услышавъ сіе, вскаквиваетъ съ своего мѣста и идетъ съ Добродою. Онъ въ одну минушу забылъ все, что ни говорила ему волшебница, и думалъ объ одной только Алинѣ. Когда они вошли въ комнату , въ которой находился Миниспръ съ своею дочерью, то увидѣли, что Алидоръ сидѣлъ на софѣ, а прелестная дочь его стояла предъ нимъ на колѣняхъ и осыпала поцѣлуями руку его. Услышавши позади себя шорохъ, она оглянулась, и увидѣвши Доброду , входящую въ сопровожденіи Селима, вскочила и хотѣла броситься къ ногамъ волшебницы; но одинъ взглядъ,

брошенный на нее Добродою, остановилъ ее опъ сего. „Алидоръ! сказала волшебница всшупивъ въ комнашу, конечно ешо дочь швоя?“

„Такъ шочно, опвъчалъ Миниспръ, ешо моя любезная Алина!“— „Прекрасная дъвица!“ сказала Доброда.

Селимъ, увидя прекрасную Алину, споялъ подобно безчувспвенному; онъ забылъ все его окружающее, и шолько пламенными взорами пожиралъ прелеспи своей любезной. „Государь! сказалъ Алидоръ оборопясь къ Царевичу, благодарянiе и милоспъ, оказанныя вами мнѣ и моей дочери, споль велики, чшо мы не знаемъ, чѣмъ возблагодарить вамъ за оныя; я и Алина вполнѣ оныя чувствуемъ.“

„За чшо шы меня благодаришь? Я сдѣлалъ обыкновенное дѣло; всякой поступилъ бы шаковымъ

образомъ.“—, „А развѣ и другой не заслужилъ бы такой же благодарности? Не думай, Государь, что я благодарю тебя для того, что ты мой повелитель: всякой послѣдній изъ твоихъ подданныхъ заслуживаетъ подобное, если онъ сдѣлаешь подобное сему. Алина! продолжалъ онъ оборотясь къ своей дочери, что же ты споишь и ничего не скажешь своему избавителю и Государю?“ При сихъ словахъ прелестная дочь Министра взглянула на Селима и яркій румянецъ покрылъ лице ея. „Мое сердце, моя душа, чувствуюшъ болѣе того, что я могу изъяснить языкомъ,“ ошвѣчала Алина бросая на Царевича такіе взгляды, которые ясно изображали чувствованія ея сердца. Селимъ изъ ея взглядовъ замѣшилъ, что любовь закралась

и въ ея сердце; онъ забывши все, не взирая на присутствіе Добрады и Алидора, бросается предъ Алиною на колѣни, беретъ ея руки и осыпаетъ пламенными поцѣлуями. Красавица, будучи побѣждена своею страстію, не знаетъ что дѣлать. „Милое, прелестное созданіе! восклицаетъ Селимъ въ изступленіи. Алина! прекрасная, дражайшая Алина! будь моею супругою.“ — „Османовись несчастный, опрометчивый юноша! говоришь ему волшебница съ гнѣвнымъ видомъ; что ты говоришь? что ты дѣлаешь безсмысленный?“ — Но Селимъ ни чему не внимаетъ; онъ приходитъ въ сильнѣйшее изступленіе. „Клянусь, говоришь онъ, клянусь всѣмъ, что есть свято.....“ Вдругъ при сихъ словахъ ударилъ громъ; комнаша

потряслась до основанія и Добрада, Алидоръ и Алина исчезли. Селимъ опъ сего произшествія упалъ безъ чувствъ на полъ. Пришедши въ себя, увидѣлъ, что лежишь на постѣли и предъ нимъ стоишь вѣрный его Замиръ проливая испочки слезъ. Первое его слово было: куда исчезла Алина? что съ нею случилось? „Любезный господинъ, сказалъ ему Замиръ, забудьте ее! Когда богамъ не угодно, чшобы вы ею обладали, то для чего сему прошивишься? Прошу, умоляю васъ забудьте ее.“—„Какъ! мнѣ ее забыть? Нѣтъ! скорѣе пшгры и львы Африканскіе забудутъ свою люшость, скорѣе рѣка пошечешъ прошивъ своего спремленія, скорѣе я самъ забуду свое имя, чѣмъ Алину! О боги! немилосердые боги!

вы ушѣшаешесь мученіями чело-
вѣческими! Епо ли ваше милосер-
діе? епо ли ваше правосудіе? за-
спавишь челоуѣка спѣнашь, и
для чего? “Вдругъ сильныя раска-
шы грома поражають слухъ его;
комната, въ копорой онъ нахо-
дился, праекратно попряслась
до основанія, и онъ услышалъ
слѣдующія слова, произнесенныя
громовымъ голосомъ:

„Дерзкій смершный! какъ мо-
жешь ты ропшашь на правосу-
діе боговъ? Они никогда ничего
не производили безъ благаго на-
мѣренія, иначе давно бы вся все-
ленная разрушилась! Тебѣ ли, пре-
смыкающемуся подобно червию въ
пыли и прахѣ, изслѣдовашь дѣла
боговъ? Прекрати ропощъ свой
и покорись могуществу.“

Селимъ, сраженный симъ произшествіемъ, не могъ вынести сего: онъ безъ чувствъ падаетъ на руки Замира; жестокая горячка разпространилась въ одну минуту по всему сославу шѣла его. Пяшь сутокъ пробылъ онъ въ сильномъ безпамятствѣ и близокъ былъ къ смерти; всѣ придворные окружали постель его, и съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца взирали на жестокое состояніе, въ каковомъ находился обожаемый ими ихъ повелитель; во всемъ Государствѣ разпространился плачь и сѣпованіе; всѣ капища были опворены и наполнены молящимися о здравіи драгоценнаго Государя. Вотъ истинный триумфъ добрыхъ Государей! Наконецъ молодость и крѣпкое сложеніе шѣла одержали верхъ

надъ болѣзнію: Селимъ откры-
 ваешь глаза, и какъ будио про-
 будаясь опъ глубокаго сна, во-
 прошаетъ окружающихъ слабымъ
 голосомъ, для чего они окружають
 постель его? и что значатъ сле-
 зы, блистающія на глазахъ ихъ?
 Ему объясняютъ причину сего;
 тогда опъ глубоко вздохнувъ, ска-
 залъ: „Ахъ! лучше бы было, когда
 бы съ сею болѣзнію кончилась и
 жизнь моя! смерть прекратила
 бы мои сраданія!“ — Тогда всѣ
 окружающіе его упавши на колѣни,
 въ одинъ голосъ произнесли слова
 сіи: „О Государь! отецъ нашъ! живи
 для счастія своихъ подданныхъ!
 для счастія дѣшей своихъ! Мы
 не перенесемъ пошери твоей.“ —
 Селимъ, видя сколь привязаны къ
 нему его подданные, пришелъ въ
 умиленіе; слезы градомъ полились

изъ глазъ его. „О боги! вы справедливы, воскликнулъ онъ поднимая слезящіе глаза свои вверху; подлинно не возможно смертному изслѣдовавъ причины дѣлъ вашихъ. Любезные дѣши! сказалъ онъ оборотясь къ окружающимъ его, буду жить для васъ; хотя и буду самъ несчастливъ, но содѣлаю васъ счастливыми, и ешо будешь мнѣ опрадою въ моихъ гореспяхъ.“ — „Нѣпъ! нѣпъ! воскликнули всѣ, ты будешь счастливъ; мы для тебя ничего не пожалѣемъ: все наше пивое, и самую жизнью для тебя пожертвовавъ мы почтемъ за великое благополучіе.“ — Разпроганный Селимъ не могъ произнести ни одного слова; онъ молча далъ знакъ рукою, чшобы они удались и дали ему покой. Оставшись

одинъ, Царевичъ лежа на постѣли погрузился въ глубокую задумчивость; Алина живо представилась его воображенію со всѣми прелестьями красоты; онъ мысленно прошелъ всѣ обшояпельства, со времени ея избавленія до исчезнушія, и пламень любви съ большею силою запылалъ въ его сердцѣ., „О милое, Ангельское твореніе! какъ могу я забыть тебя? Ещо сверхъ силъ моихъ! Чувствую, что опказавшись опъ тебя, паду совершенно подъ бременемъ горести и опчаянія! Не лучше ли будешь прекрашишь жизнь свою, чѣмъ жить и ежеминутно умирашь? Чшо значишь смерть прошивъ жизни, исполненной непрерывныхъ мученій? Для чего же медлишь.“ Вдругъ кольцо давленіемъ своимъ въ па-

лецъ нѣсколько его образумило; онъ приказываетъ Замиру подать себѣ книгу Добрады, разкрываетъ оную и видишь слѣдующее: „Жизнь есть даръ боговъ: она состоитъ въ ихъ власти; самоубійца есть гудовище, извергъ природы.“ „Что же мнѣ дѣлать? Я чувствую, что не перенесу своего несчастія!“ — Въ книгѣ оная явились слѣдующія слова: „Гѣ, которые повѣлываютъ себѣ дѣлать шакъ, а не иначе, подадутъ крѣпость и силу перенести все мужественно; да и что значишь человекъ безъ несчастій? несчастія суть школа, гдѣ всякій научается быть человекомъ; они научаютъ быть мудрымъ утверждая сердце въ правилахъ добродѣтели. Припомъ же Государь, для блага своихъ подданныхъ осматривающій соб-

ственныя выгоды, жертвующій своимъ счастьемъ, благополучіемъ и спокойствіемъ, есиъ истинный образъ божества, есиъ человекъ выше всего человѣчества!“ Селимъ нѣсколько разъ перечислявалъ находящееся въ книгѣ, и закрывши оную, оныя задумался. „О тяжкое бремя, бышь Государемъ!“ воскликнулъ онъ. Послѣ сихъ словъ вспалъ съ постѣли и прошелъ нѣсколько разъ по комнашѣ, размышляя самъ съ собою; сильная борьба происходила въ сердцѣ его; потомъ, спавъ среди комнашы и поднявъ къверху глаза и руки, произнесъ съ сильнымъ чувствіемъ слѣдующее: „Проси на вѣки Алина! проси существо прелестьнѣйшее! мой долгъ великъ забыть себя; счастье моихъ под-

данныхъ зависишь опъ сего. Такъ! счастье ихъ для меня должно бышь болѣе моего собственнаго! Лучше одному спрадать, дабы тысячи блаженствовали. Тяжко, весьма тяжко...но я уже рѣшился! — Добрада! ты побѣдила! Явись ко мнѣ мучительница и благодѣтельница моя!“ Кончивъ сіе, онъ опъ сильной слабости и ошущительнаго перелома сердца своего зашатался и упалъ на руки подбѣжавшаго Замира, который съ помощію другаго служителя опнесъ Селима на кровать. Не успѣли еще порядочно положить его, какъ Добрада является во всемъ величіи и блескѣ; она подходитъ къ безчувственному Царевичу, вынимаетъ изъ кармана скляночку съ элексиромъ и вливаетъ онаго нѣ-

сколько капель въ ротъ Селима ; въ одну минушу онъ открываетъ глаза и видитъ предъ собою Добраду, стоящую съ величественнымъ спокойствіемъ. Пораженъ будучи ея величіемъ, блескомъ, ее окружающимъ , онъ вскакиваетъ съ постѣли и бросается къ ногамъ, произнося сіи слова : „Существо необыкновенное ! прими покорность и повиновеніе отъ сына твоего, если могу назваться симъ именемъ ; я преодолѣлъ самого себя и рѣшился на все, что ты ни повелишь мнѣ сдѣлать.“ „Поди въ мои объятія , сынъ мой ! опѣчала ему волшебница, подымая его съ полу и заключая съ нѣжностію въ свои объятія. Теперь-то я вижу, что ты достоинъ быть Государемъ и повелителемъ надъ многими наро-

дами, когда ты сдѣлался повелителемъ надъ самимъ собою, когда ты побѣдилъ спрасть свою, заставилъ молчать сердце свое. Знаю, что это трудная, почти невозможная борьба; но ты побѣдилъ, и я могу сказать смѣло, что ты достоинъ того счастья, какое я тебѣ приговорила. И такъ ты твердо рѣшился исполнить все, мною тебѣ прежде сказанное? — „Рѣшился!“ отвѣчалъ Селимъ съ глубокимъ вздохомъ; но позволь благодѣтельница, мать моя, наставница моя, не оскорбляя тебя, спросить, гдѣ Алина? что съ нею случилось? — „Она теперь счастливейшая изъ смертныхъ, и чрезъ меня кланяется своему избавителю.“ — „Какъ! она меня еще не забыла, помнишь обо мнѣ?

Прошу боговъ , да даруютъ ей счастье и благополучіе !“ — „Итакъ , любезный Селимъ , опира-
 вимся пеперь въ мое жилище , гдѣ окончимъ начатое. Для чего медлишь и откладываетъ далѣе?“ —
 „Когда я уже рѣшился , отвѣчалъ Царевичъ , по дѣлайте , что вамъ угодно : я весь въ вашихъ повелѣніяхъ. Какъ скоро онъ произнесъ сіи слова , по Добра взявши его за руку , топнула ногою въ полъ произнесся нѣкошорыя неизвѣстныя слова , и въ одну минушу невидимая сила перенесла ихъ въ жилище волшебницы.

Хотя Селимъ привыкъ уже къ чрезвычайностямъ , но спольское перенесеніе невидимымъ образомъ изъ его дворца въ жилище волшебницы его изумило. Добрада , оставивъ его одного ,

удалилась. Не много спустя времени видишь онъ Замира въ великолѣпномъ плашьѣ, въ сопровожденіи двенадцати невольниковъ, одѣтыхъ также въ богашѣйшія плашья и несущихъ на золотыхъ блюдахъ драгоцѣннѣйшія одѣжды для Селима. „Повелипельница наша, сказалъ Замиръ Царевичу, прислала для васъ сію одѣжду, въ которой вы должны присупить къ брачному жершвеннику.“ „Ахъ! для чего сіи пышныя украшенія? возразилъ Селимъ, для чего они, когда мое сердце съ оными не согласуется; но когда ей сіе угодно, по ея воля мой законъ.“ Кончивши сіе, началъ онъ одѣваться, и когда совсемъ одѣлся, то явилась Добрада, и взявши Селима за руку, повела во храмъ. Царевичъ дрожалъ всѣмъ

шѣломъ , дыханіе спиралось въ груди его , сердце споль сильно билось , что , казалось , хотѣло вырваться вонъ . Прошедши довольно комнашъ , освѣщенныхъ великолѣпнымъ образомъ , они приблизились къ храму , посвященному Гименею , богу браковъ . Едва Селимъ и волшебница вспустили въ оный и Царевичъ съ шрепешомъ приспустилъ къ брачному жершвеннику , мгновенно тѣма разпроспранилась по всему храму ; одинъ шусклый и едва примѣшный свѣшъ мелькалъ вдали . Селимъ при семъ невольно зашрепешалъ , холодный пошъ выступилъ по всему его шѣлу ; наконецъ голосъ жреца вывелъ его изъ окаменѣнія ; онъ спрашивалъ Царевича , желаетъ ли онъ вспустить въ бракъ съ стоящею

возлѣ его дѣвицею? Селимъ и не примѣнилъ, что невѣста его стояла передъ нимъ. Царевичъ отвѣчалъ: „Желаю и посвящаю ей всю жизнь мою, когда на то естъ воля боговъ.“ Послѣ сего жрецъ спросилъ невѣсту такимъ же образомъ; и Селимъ услышалъ приятный мелодическій голосъ, проникнувшій въ его сердце, увѣряющій въ непремѣнной любви и вѣчной вѣрности. Когда жрецъ вложилъ руку невѣсты въ руку Селимову, то сей послѣдній почувствовалъ легкое пожатіе оной и отвѣтствовалъ такимъ же образомъ. Когда кончился обрядъ бракосочетанія, въ ту минушу яркій свѣтъ озарилъ храмъ — и Алина стояла передъ Селимомъ прекрасна какъ богиня любви! прелестна какъ самая радость!

и бросилась въ объятія счастливаго Царевича. Что при семъ почувствовалъ Селимъ, описать трудно; — онъ споялъ подобно безчувственному, и не помнилъ, гдѣ находился; ему казалось все ето сновидѣніемъ, и онъ опасался проснуться; наконецъ пришелъ въ себя, съ страшнымъ воспоргомъ заключаетъ Алину въ свои объятія, и произнесъ слова сіи: „ты моя! моя на вѣки!“ ошъ радости лишается чувствъ. Пришедши въ себя, онъ снова заключаетъ ее въ свои объятія и держитъ долгое время, какъ бы опасаясь, чтобы опять ее у него не похилили. По прошествіи первыхъ воспорговъ, Добрада подходитъ къ Селиму и говоритъ: „Доволенъ ли ты, сынъ мой, наградою, обѣщанною мною тебѣ?“

Царевичъ не могъ произнести ни одного слова; онъ силился говорить, но слова замирали на устахъ его, только въ однихъ пламенныхъ взорахъ, обращенныхъ на волшебницу, видна была его величайшая благодарность; онъ кинулся на колѣни и проливая слезы радости, осыпалъ руки ея поцѣлуями. — „Встань, сынъ мой, сказала ему тронутая волшебница, прости меня, что я тебя нѣсколько помучила: ещо былъ послѣдній искусъ; ты оный такъ выдержалъ, что я не могла и надѣяться ошъ тебя таковой твердости. Вручая тебѣ Алину, вручаю такое сокровище, котораго пріобрѣсть весьма трудно, хошя бы ты прожилъ цѣлые вѣки; надѣюсь, что любовь и счастье не удалятся отъ васъ.

Пойдемте теперь, милые дѣти, въ залу веселія; тамъ ожидаешъ насъ почтенный Алидоръ; игры, смѣхи, пляски и всѣ веселія собрались тамъ же праздновать ваше сочешаніе. Послѣ сего я расскажу тебѣ исторію Амины, сказала Добрада, оборотясь къ Селиму; теперь пойдеште.“ Кончивши слова сіи, она взяла за руки Селима и Алину и повела ихъ. Пройдя многія комнашы всшупили они въ залу веселія. Какъ описать великолѣпіе, вкусъ, пышность и богатство сей залы? Сорокъ восемь яшмовыхъ столповъ поддерживали куполь сей залы, который былъ изъ одного изумруда; стѣны состояли изъ брилліаншовъ, лаловъ, карбункуловъ, яхоншовъ и другихъ драгоценныхъ камней, и производили

приятный разноцвѣтный свѣтъ; тысячи восковыхъ свѣчь, отражая блескъ свой въ свѣнахъ, ослѣпляли зрѣніе; драгоценнѣйшія благовонія Индійскихъ спранъ курились въ курильницахъ изъ чистаго Аравійскаго золота; креслы, диваны, стулья сдѣланы были изъ слоновой кости и украшены по мѣстамъ драгоценными каменьями; подушки на оныхъ были изъ богачѣйшей парчи. Добрада, вошедши въ залу, подвела къ Алидору новобрачныхъ; онъ съ родительскою горячностію заключилъ въ свои объятія дочь свою и зыпя; потомъ бросился предъ Добродою на колѣни. „Существо благодарное! чѣмъ я могу возблагодарить себя за всѣ милости на меня издѣяныя? У меня не достаетъ ни

словъ, ни выраженій. “—, Вспань, Алидоръ! сказала волшебница подымая его, съ ласковою улыбкою, свои добродѣтели достойны еще большей награды. Ну, любезные друзья! теперь сядемъ и спанемъ веселимся.” Едва всѣ заняли приличныя мѣста, Добрада махнула своимъ жезломъ и въ одну минушу явился великолѣпнѣйшій споль, уставленный различными кушаньями и прекраснѣйшими винами; множество служителей въ богашнѣйшихъ одѣждахъ съ удивительною ловкостію служили при споль; огромная музыка гремѣла на хорахъ, находящихся въ залѣ. По окончаніи ужина споль исчезъ, а на мѣсто онаго явилось двенадцать прекраснѣйшихъ невольницъ, въ сопровожденіи которыхъ Добрада

повела Алину въ брачную комнату; спустя нѣсколько времени волшебница вошла въ залу и дала знакъ Селиму, показывая ему пальцемъ дверь, въ копорую она вошла. Царевичь догадался и въ минушу скрылся изъ залы. Онъ пришелъ въ брачную комнату и нашелъ Алину сидящую въ креслахъ въ прелестнѣйшемъ спальномъ платьѣ; увидѣвши Селима входящаго къ ней, она съ стыдливостію поупила глаза свои въ землю и яркій румянецъ покрылъ ея щеки. — „Милая! прелестная Алина! дражайшая супруга!“ повторялъ Царевичь въ восхищеніи, осыпая ее поцѣлуями, копорые она также ему возвращала съ охотою. Наконецъ Амуръ и Гименей покрыли молодыхъ суп-

руговъ-любовниковъ шаинствен-
нымъ покрываломъ!

На другой день по утру едва солнце озлашило верхи горъ, молодые супруги съ поспѣшностію встали съ своего ложа и одѣлись въ приличное плашье; попомъ пошли въ залу, гдѣ Добрада и Алидоръ ихъ уже ожидали. Радость и удовольствіе сіяли въ очахъ счастливаго Селима; Алина же вступя въ залу покраснѣлась и пошупила глаза въ землю.

„Добраго утра желаю вамъ, любезные дѣши,“ сказала волшебница молодой чешѣ. Попомъ всѣ сѣли за великолѣпный завпракъ; когда оный кончился, то Добрада, оборотясь къ Селиму, начала говорить ему слѣдующее:

„Я обѣщала тебѣ разсказать исторію жизни и рожденіе Алины;

воишь она : Алидоръ , родителъ
 ея , былъ соединенъ шѣсными
 узами дружбы съ швоими покой-
 ными родителами . Причина дру-
 жбы сей была не одна просшая
 привязанность ; но узы гораздо
 ближайшія связывали ихъ : ибо
 Алидоръ естъ родной братъ
 швоей покойной матери...“ „Какъ!
 воскликнулъ Селимъ съ изумле-
 ніемъ , прерывая повѣспованіе
 волшебницы , сей почтенный ша-
 рець мой дядя ? Алина моя двою-
 родная сестра ? и я не зналъ
 сего!“ — „И никто не зналъ и
 не знаетъ сего , отвѣчала волшеб-
 ница , кромѣ меня и швоихъ по-
 койныхъ родителей . Алидоръ
 не настоящее имя его ; онъ на-
 зывается Декеваль : онъ былъ
 Царь Вандальскій ; но человѣко-
 любимый братъ его , желая ко-

роны лишилъ его царства и изгналъ вонъ изъ опечесства; Декевалъ, сверженный съ преспола, гонимый и презираемый, удалился тайно къ сеспрѣ своей, швоей машери, копорая тогда уже была въ замужствѣ за Добромысломъ, опцемъ швоимъ; они его приняли съ радосшю, и несчастный Декевалъ подъ именемъ чужестранца Алидора явился при дворѣ своего зяшя. Машь Адины, а его супруга, раздѣляя съ нимъ его изгнаніе, шакже была обласкана швоими родишелями, и одинаковыя лѣша, одинаковыя склонности соединили сіи двѣ чепы неразрывными узами дружбы. Я весьма часто навѣщала швоихъ родишелей и восхищалась шѣсною дружбою двухъ семѣйствъ. Нако-

нецъ Доброгнѣва и Милослава (шакъ звали маперь Алины) почувствовали объ вмѣстѣ беременность. Дабы шѣснѣе соединить узелъ родства и дружбы, два семейства поклялись, если у одного будетъ сынъ, а у другаго дочь, сочешать ихъ бракомъ. Ненавидящій брашъ Декеваловъ чрезъ своихъ лазупчиковъ узналъ, гдѣ находится брашъ его, шакже свѣдалъ и о беременности Милославы. Новыя для него опасенія! новыя стражи! Онъ, опасаясь, чшобы наслѣдникъ Декеваловъ не лишилъ его похищенной имъ короны, рѣшился по средствомъ золоша подкупить убійць и лишить брата своего послѣдней ушѣхи при старости. Разсыпая золошо щедрою рукою, онъ успѣлъ въ своемъ намѣреньи, и въ

домъ Алидоровомъ шаились двое убійць, рѣшившись погубить плодъ супружества его съ Милославою, какъ скоро она произведешъ на свѣтъ сына или дочь. Злодѣи сіи шакъ вкрались въ довѣренность Алидора и его супруги, чшо вскорѣ сдѣлались первыми ихъ повѣренными. Я, весьма любя Декевала, или какъ его уже здѣсь называла, Алидора и Милославу, по средствомъ своей науки узнала объ опасности, грозящей нѣжнымъ супругамъ; но дабы не огорчить ихъ и не причинить имъ страха, скрывала злой умыселъ недостойнаго брата, рѣшась бодрствовать надъ ними. Скоро приближилось время разрѣшенія Доброгнѣвы и Милославы; я узнала, чшо Доброгнѣва должна

родить днемъ ранѣе, и пошому не опходила опъ нее. Ты родил-ся, и я принявъ тебя на руки и назвавъ Селимомъ, опдала швоимъ родителямъ. Пробывъ нѣсколько времени при швоей машери, по-спѣшила къ Милославѣ; едва вспу-пила въ ея спальню, какъ услы-шала вопль опчаянiя. Чшо же вижу? прекрасную дѣвочку въ ру-кахъ двухъ злодѣевъ, кошорые уже заносили на оную свои кин-жалы. Алидоръ съ бѣшенствомъ вырываль у нихъ изъ рукъ ихъ дабычу. Я нѣсколько опоздала и Милослава родила безъ меня: не-чаянный случай предускориль роды ея. Первое мое дѣло было, увидя сію страшную сцену, бро-сисься къ убійцамъ и вырваль изъ рукъ ихъ дочь Алидорову; кошомъ сдѣлавшись невидимою,

я въ одно мгновеніе ока опнесла драгоцѣнный залогъ любви Алидора и Милославы въ свое жилище, и отдавши на попеченіе моихъ служительницъ, возвратилась въ комнату родишельницы. Новыя несчастія! Алидоръ весь въ крови, израненный, слабо защищался прошивъ двоихъ разсвирѣпѣвшихъ злодѣевъ. Я въ одну минушу обезоружила негодѣевъ и силою науки своей сдѣлала ихъ неподвижными; попомъ призвавши подваспнаго мнѣ духа, отдала ихъ подъ его сохраненіе, чшобы онъ заключилъ сихъ варваровъ въ мрачнѣйшую пещеру; кончивши ешо, подхожу къ кровати, на которой лежала Милослава. Великіе боги! она уже болѣе не существовала: спрахъ убилъ ее.— Не показывая никакого

виду и не говоря ни слова, обращаюсь къ Алидору и вижу его въ сильномъ обморокѣ опъ множества испекшей крови. Выхожу вонъ и кличу служилелей; но представыше себѣ, — всѣ они пьяны! Проклятые злодѣи не жалѣли вина и перепоиили всѣхъ до пьяна. Возвращаюсь опяшь въ спальню и по средспвомъ елексира возвращаю Алидору чувствва и бодрость; попомъ Мекскимъ бальзамомъ въ одну минушу изцѣляю его раны и вывожу вонъ изъ комнашы, говоря, что Милослава уснула. „Гдѣ же дочь моя?“ спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ. „Она спасена и подъ моею защипою,“ опвѣчала я ему. Онъ, успокоясь нѣсколько, вышелъ шихими шагами изъ спальни и удалился въ свой кабинетъ; наконецъ я въ одну

минушу также выпрезвила его служителей и привела ихъ къ кровати Милославы, показывая имъ ея бездушное шѣло,—и упрекая ихъ въ ея смерти, рассказала имъ всю исторію. Кто можетъ описать ихъ горестъ? Видя любезную госпожу свою мертвою, ибо они испинно любили ее, горестный плачь разпространился по всему дому. Алидоръ, услышавъ сіе, вбѣгаетъ въ спальню; я подвожу его къ шѣлу его супруги; онъ всплескиваетъ руками и лишается чувствъ. Но что описывать все подробно; довольно сего, что горестъ Алидорова о лишеніи супруги была неизъяснима; наконецъ, когда сильная печаль нѣсколько утишилась, онъ вспомнилъ о своей дочери и желалъ ее увидѣть; я перенесла его въ свое

жилище, гдѣ онъ увидѣлъ дочь свою, которую я назвала Алиною. Она живой портретъ своей матери. Алидоръ не хошѣлъ съ нею распаться и рѣшился взять ее съ собою; но я сему воспротивилась, представляя ему опасность, каковой она можетъ подвергнуться, и онъ не хоша на сіе согласился, испросивъ у меня позволенія выдать ее, какъ только возможно будетъ. Алина росла у меня подобно скромной фіалкѣ; прелести ея разцвѣтали; я все стараніе употребила къ ея образованію, и она своими успѣхами, умомъ, характеромъ соотвѣтствовала всѣмъ моимъ пожеланіямъ. Твои родители, навѣщая иногда меня, также видали Алину и клялись соединить ее съ Селимомъ; они просили меня, если

сами не успѣюшъ сего учинишь, сочешашъ себя съ ихъ племянницею, на что и Алидоръ былъ согласенъ; но ахъ! швоя худая послѣ смерти родителей швоихъ жизнь чупъ было не разрушила мою надежду и желаніе швоихъ покойныхъ родителей! Когда я заманила тебя въ свое жилище и увидѣла швое чистосердечное раскаяніе, то пожелавъ искусить и исправить швое поведеніе и характеръ, я дала тебѣ подарки и Замира, кошорый извѣщаль меня о всѣхъ швоихъ дѣйствіяхъ. Когда ты былъ у меня въ жилищѣ, Алина увидѣла тебя, и любовь сильная, пламенная запылала въ ея юномъ сердцѣ; я весьма была довольна швоимъ исправленіемъ, и уже заранѣе чувствовала радость видѣть васъ соединенныхъ

узами брака. По окончаніи года, я хопѣла показашь тебѣ Алину; но какъ показашь ее? и для сего выдумала хитроспъ: два злодѣя, пащившіе Алину въ чащу лѣса, были мои подвластные духи; впрочемъ, увѣрю себя, она и сама не знала сей хитрости, и ея спрахъ былъ натуральный. Кто можешь изъяснить мою радость, когда я узнала чрезъ Замира, что ты воспылалъ къ Алинѣ сильнѣйшею любовію? Но я еще хопѣла испыташь себя, и швой отказъ отъ любимаго предмета для блага и счастья швоихъ подданныхъ превзошелъ мое ожиданіе; ты въ семъ случаѣ показалъ себя истиннымъ Государемъ и опцемъ опечесшва. Симъ кончила волшебница свое повѣспвованіе. „Живите счастливо, присовокушила она, и да

ни какая печаль не коснется сердце вашихъ. Однако время уже намъ отправиться въ свое Государство, сказала она оборотясь къ Селиму; я думаю уже шамъ все приготовлено къ своему принятию. Мой вѣрный Замиръ давно уже шамъ: онъ обо всемъ извѣстилъ своихъ подданныхъ.“ — Кончивъ слова сіи, волшебница встала и въ сопровожденіи Алидора, Селима и Алины пошла вонъ изъ покоевъ. Едва они вышли изъ жилища волшебницы, какъ увидѣли двѣ колесницы, въ копорыя впряжены были по чепыре прекраснѣйшихъ бѣлыхъ лошадей; въ одну изъ нихъ сѣли Добрада и Алина, а въ другую Селимъ и Алидоръ; шестъдесять человекъ шлохранищелей окружили колесницы и такимъ образомъ от-

правились къ Государству Селимову. Лишь только въѣхали они въ споличный городъ, какъ оповсюду раздались клики радости и восхищенія; народъ толпами бѣжалъ за колесницами; кровли домовъ и окны заняты были безчисленнымъ множествомъ зрителей. Да здравствуетъ Государь нашъ Селимъ и прекрасная супруга его Алина! восклицали восхищенные подданные. Подъѣхавъ ко дворцу, встрѣчены они были всѣмъ придворнымъ шпашомъ; вошедши во дворецъ, нашли они уже накрытый великолѣпный столъ, за который не медля сѣли. По окончаніи обѣда, продолжавшагося довольно долгое время, открытъ былъ блестящій балъ, продолжавшійся доразсвѣта; предъ окончаніемъ онаго волшеб-

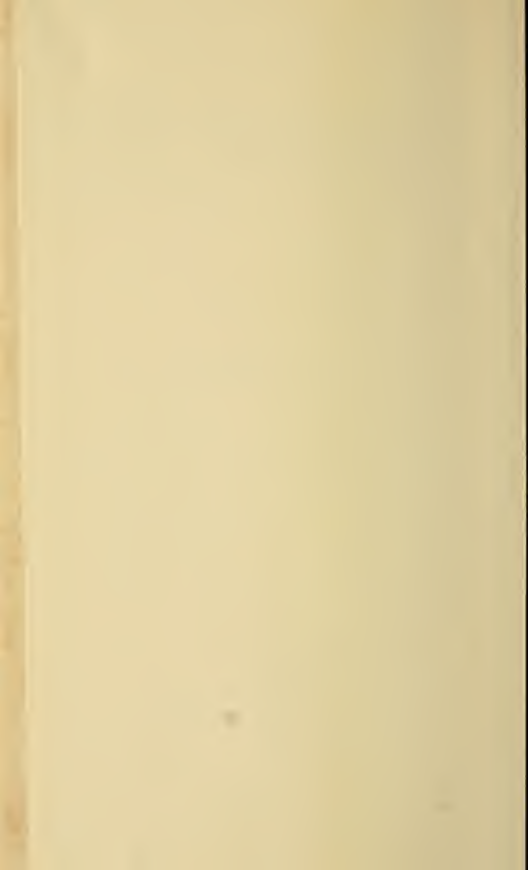
ница, пожелавъ Селиму и Алинѣ счастливой жизни, оставивъ при немъ персень, книгу и вѣрнаго Замира и обѣщаясь часто навѣщать ихъ, — исчезла. Селимъ, по проведеніи мѣсяца въ разныхъ забавахъ и увеселеніяхъ, принялся при содѣйствіи мудраго Алидора съ ревностію за дѣла Государственныя. Онъ съ мудростію управлялъ своимъ государствомъ; словомъ, былъ славный Король, нѣжный и вѣрный супругъ и попечительный отецъ. Волшебница сдержала свое слово и навѣщала ихъ весьма часто. Селимъ и Алина дожили до глубокой и счастливой старости. Смерть ихъ похожа была на крошкѣй и пріятный сонъ. Они оставили по себѣ достойныхъ наследниковъ, копорые, видя примѣры въ Селимѣ и Алинѣ достой-

ные подражанія, слѣдовали имъ,
и никогда не помрачили ни ихъ,
ни своей славы.

К О Н Е Ц Ъ .

R D 239.

DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING

ST. AUGUSTINE
FLA.
32084

LIBRARY OF CONGRESS

00025198748

